

РУССКИЕ ПРИХОДСКИЕ ОБЩИНЫ В БОЛГАРИИ

М. В. ШКАРОВСКИЙ

д.и.н., в.н.с. Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга
(ЦГИА СПб.)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с жизнью русских эмигрантов на болгарской земле. Духовным центром русской эмиграции в Болгарии была Церковь: при храмах возникали братства, сестричества, молодежные и детские группы, которые активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. Автор уделяет большое внимание деятельности архиепископа Серафима (Соболева), управлявшего русскими общинами в Болгарии, и другим архиереям Русской Православной Церкви за границей, которые были первыми иерархами Поместных Православных Церквей, вступившими в евхаристическое общение с Болгарским Экзархатом.

Многотысячная русская послереволюционная эмиграция в 1920–40-е гг. играла значительную роль в истории Болгарской Православной Церкви и Болгарии в целом. Православные русские храмы и священнослужители имелись в Болгарии и до 1917 г. Еще в 1879 г., вскоре после окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на одном из мест боев – в 14 километрах от г. Ямбол – у с. Черган по приказу знаменитого «белого генерала» М.Д. Скобелева был построен каменный храм-памятник св. кн. Александра Невского. При храме возник русский мужской монастырь Святого Спаса, состоявший в управлении Санкт-Петербургского митрополита. До 1900 г. его настоятелем служил бывший полковник иеромонах Парфений (Павлов), а в 1900–1915 гг. – иеромонах Ювеналий (Загорюлько). После вступления Болгарии в октябре 1915 г. в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии о. Ювеналий был интернирован в г. Котел, где в 1916 г. скончался. Основное имущество монастыря оказалось опечатано, а управлять обителью назначили болгарского иеромонаха Кассиана.

В 1919 г. в монастырь Святого Спаса вернулся один из его прежних русских насельников, который стал управлять хозяйством, а в 1921 г. в Ямбольской обители нашли приют несколько монахов разоренного в годы Гражданской войны Григоро-Бизюковского монастыря Херсонской епархии, которым была передана Александро-Невская церковь. В начале 1930-х гг. в обители Святого Спаса имелось два храма и 12 насельников¹.

Подобную судьбу имели еще два русских храма на болгарской земле. В 1897–1902 гг. возле деревни Шипка был построен по проекту петербургских архитекторов А.О. Томишко и А.Н. Померанцева в русском стиле XVII в. храм-памят-

¹ См.: Руската църква Св. Николай Чудотворец в София. София, 1995. С. 14–16.

ник Рождества Христова с приделами свт. Николая и св. кн. Александра Невского, освященный 15 сентября 1902 г. В крипте храма установили 17 надгробий с останками погибших русских воинов. Рядом были построены здание духовной семинарии для болгар, которую так и не открыли по церковно-политическим причинам, больница и другие дома. Храм имел статус монастыря и подчинялся непосредственно Российскому Святейшему Синоду, причт присылали из Троице-Сергиевой Лавры, последний довоенный настоятель — иеромонах Максим — уехал осенью 1915 г., а оставшиеся охранять церковное имущество два послушника были арестованы болгарскими властями в 1918 г. Когда через год они вернулись в обитель, то нашли ее разграбленной, но в храме вновь начались богослужения².

Самая известная русская церковь в Болгарии — свт. Николая Чудотворца была построена в 1907–1914 гг. в центре Софии, на территории Российской дипломатической миссии по проекту петербургского архитектора М.Т. Преображенского в московско-ярославском стиле XVI в. Ее освящение совершил 10–11 ноября 1914 г. в сослужении с русским духовенством болгарский экзарх Иосиф. Поскольку в то время Болгарская Православная Церковь находилась в состоянии схизмы, для российских дипломатов был необходим храм, который они могли посещать, не нарушая канонов. Настоятелем храма служил протоиерей Петр Преображенский, осенью 1915 г. он был выслан из страны, и богослужения прекратились почти на пять лет. В 1920 г. Никольская церковь была открыта новым настоятелем архимандритом Тихоном (Лященко), будущим архиепископом Берлинским и Германским, и в 1921 г. при ней возник самостоятельный приход, и храм стал центром русской церковной жизни в Болгарии³.

Отношение Русской Православной Церкви к Болгарскому Экзархату до 1917 г. было достаточно противоречивым. Российский Святейший Синод не признавал схизму⁴ и с 1880 до 1915 г. снабжал Болгарскую Церковь святым миром, но избегал евхаристического общения с ней, официально допускались лишь совместные молебны. Однако болгарские духовные лица, являясь учащимися российских духовных академий, по приглашению русских священнослужителей участвовали в совершении литургии соответственно своему духовному сану. Вплоть до 1918 г. болгары получали высшее духовное образование преимущественно в российских академиях, и основная часть представителей высшего болгарского духовенства были их воспитанниками. Когда болгарские и русские священнослужителями совместно освятили посольский храм свт. Николая в Софии, Вселенский Патриарх Герман в письме от 20 января 1915 г. выразил протест

² См.: Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В.А. Антонов, В.И. Кобак. СПб., 2005. С. 33–36, 335–336.

³ См.: Там же. С. 29–30; *Киосева Ц.* Русская посольская церковь // Новый журнал. Нью-Йорк. 2006. № 243. С. 299–300; *Руската църква Св. Николай Чудотворец в София.* С. 2–12.

⁴ 11 мая 1872 г. в соответствии с султанским фирманом 1870 г. было провозглашено восстановление независимости Болгарской Православной Церкви в форме экзархата без согласия Константинопольского Патриарха, в состав которого она несколько веков входила. В ответ в сентябре 1872 г. на Соборе с участием архиереев ряда восточных патриархатов действия болгарских иерархов были осуждены, а они сами провозглашены схиматиками (т. е. раскольниками).

Российскому Святейшему Синоду, на что последовал ответ, что Русская Церковь схизму 1872 г. не подписывала и считает себя свободной в своих отношениях с Болгарской Церковью⁵.

Когда в результате Гражданской войны часть русских архиереев оказалась в эмиграции в Стамбуле, их приютила в своей константинопольской резиденции Болгарская Экзархия. 2 января 1920 г. в Софию прибыла возглавляемая А.М. Петряевым русская дипломатическая миссия белого правительства генерала А.И. Деникина, на которую возлагалась защита интересов российских беженцев и Русской Церкви в Болгарии. В 1919 г. в стране находилось до 12 тыс. бывших русских военнопленных, правда, к началу 1921 г. их число в результате возвращения в Россию снизилось до 4 тыс., но вскоре началось массовое прибытие белоэмигрантов. По данным Беженского комитета в Стамбуле, на 1 февраля 1921 г. в Болгарии уже находилось 6855 русских беженцев⁶, а летом 1922 г. их число достигло максимальной цифры – по подсчетам болгарских исследователей – 34–40 тыс.⁷ Ряд историков Русской Православной Церкви называют цифру 50 тыс.⁸, но она, скорее всего, завышена.

Уже в начале 1920-х гг. в Болгарии стали возникать многочисленные русские общества, культурные, учебные, благотворительные заведения; действовали три госпиталя Российского общества Красного Креста; выходило почти 100 русских газет и журналов; художники-эмигранты писали иконы и фрески в самых известных болгарских храмах и т. д. В 1920 г. 55% населения страны было неграмотно, и русская интеллигенция (насчитывавшая около 7 тыс. человек) играла большую роль в интеллектуальной жизни Болгарии. Следует отметить, что в 1920–1930-е гг. профессора в Софийском университете имели право читать лекции на русском языке, а студенты – сдавать на нем экзамены (всего в университет было принято около 2 тыс. русских студентов).

Значительный вклад внесли и русские богословы в развитие болгарского духовного образования. Так, бывший заслуженный ординарный профессор Петроградской духовной академии Н.Н. Глубоковский стал одним из создателей в 1923 г. богословского факультета Софийского университета и основателем новозаветного богословия в стране. Николай Никанорович пользовался исключительным авторитетом в христианском мире. Многие известные иерархи Болгарской, Сербской и некоторых других Православных Церквей были его учениками. Он в значительной степени влиял на церковную политику

⁵ См.: *Бойкикева К.-А.* Болгарская Православная Церковь: Исторический очерк. София, 2005. С. 166–167.

⁶ См.: *Колосова В.О.* Роль российского общества Красного Креста в обустройстве русских беженцев в Европе в 1918–1922 гг. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2003 г. М., 2003. С. 343, 345.

⁷ См.: *Киосева Ц.* Указ соч. С. 300; *Бойкикева К.-А.* Указ. соч. С. 167; Бялата эмиграция в България: Материалы от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 52, 87; *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. София, 1997. С. 13–24.

⁸ См.: *Никон (Рклицкий), еп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. V. Нью-Йорк, 1959. С. 31; *Seide G.* Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989. S. 270; Русские храмы и обители в Европе. С. 31.

Болгарии — как внутреннюю, так и международную, выступая официальным представителем непризнанной автокефальной Болгарской Церкви, ходатаем за Болгарское государство перед знакомыми ему зарубежными политическими деятелями и организациями. Во многом благодаря усилиям Глубоковского удалось спасти от закрытия богословский факультет Софийского университета при сокращении государственных ассигнований на образование в первой половине 1930-х гг.

Большое внимание Н.Н. Глубоковский уделял подготовке нового поколения русских священнослужителей и сотрудничал как со Свято-Сергиевским Богословским институтом в Париже, так и с Ученым комитетом, учрежденным в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей (в 1934 г. он стал его членом). Комитет возглавлял Первоиерарх РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий), а в его состав помимо Глубоковского входили архиепископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко), профессора М.В. Зызыкин, А.П. Доброклонский, С.В. Троицкий и Н.С. Арсеньев, большинство из которых некоторое время проживали и работали в Болгарии⁹.

В число первых четырех избранных профессоров Богословского факультета Софийского университета, кроме Н.Н. Глубоковского, входил также бывший профессор Петроградской духовной академии протопресвитер Александр Рождественский. С 1931 г. профессорскую кафедру Богословского факультета занимал бывший профессор Киевской духовной академии М.Е. Поснов, с 1924 г. доцентом кафедры Священного Писания и Ветхого Завета (позднее профессором) являлся бывший протопресвитер российского военного духовенства, член Святейшего Синода в 1915–1917 гг. о. Георгий Шавельский. Преподавали на богословском факультете Софийского университета также архимандрит Тихон из Киевской духовной академии, профессор М.В. Зызыкин, профессор А.П. Доброклонский и доцент С.В. Троицкий из Новороссийского университета. Последним русским профессором Софийского университета (до 1971 г.) был Н. Дилевский. Один из современных болгарских историков отмечал, что «среди богословской профессорской коллегии в первые годы преобладали белоэмигранты»¹⁰.

В Пловдивской духовной семинарии преподавали шесть русских эмигрантов: Н. Никитюков, профессор М. Поснов, протоиерей Михаил Шишкин, М. Калнев, И. Чаусов и В. Иваницкий, причем два первых из них преподавали также в Софийской семинарии, а два последних — в Бачковском священническом училище и т. д. С помощью болгарского государства уже в 1922 г. были открыты шесть русских гимназий: в Софии, Шумене, Варне, Пещере и т. д., с 1 тыс. учащихся (при некоторых гимназиях устроили детские сады), одно сельскохозяйственное и пять военных училищ. Также в 1920-е гг. были созданы русские детские дома в Софии, Варне, Бургасе, Пернике, инвалидные

⁹ См.: *Клементьев А.К.* «...Человек без лицемерия» // Новый журнал. Нью-Йорк. 2007. Кн. 249. С. 327–328.

¹⁰ *Димитров И.* Професор Николай Никанорович Глубоковский — основатель на новозаветного богословие в България // Бялата емиграция в България. С. 366–367.

дома в Шумене, Казанлыке, Царебрوده, с. Шипка, с. Княжево под Софией и других местах¹¹.

Некоторые русские учебные и благотворительные учреждения имели домовые церкви или часовни, например: созданное в г. Ямболе военное училище Войска Донского, русский инвалидный дом в Шумене, Русская смешанная гимназия новых языков В.П. Кузминой в Софии (законоучителем гимназии и настоятелем ее домового храма служил протоиерей Георгий Голубцов). В Ямболе появились и два русских воинских кладбища, на одном из которых в 1921 г. был воздвигнут памятник погибшим воинам. В 1929 г. была также устроена часовня-памятник на русских могилах Велико-Тырновского кладбища.

Духовным центром русской эмиграции в Болгарии была Церковь: при храмах возникали братства, сестричества, молодежные и детские группы, которые активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. Болгарская Православная Церковь сильно страдала от нехватки священников, особенно образованных, и ее Священный Синод охотно назначал русских священнослужителей настоятелями болгарских приходов или преподавателями духовных учебных заведений. Согласно православным канонам, все русское духовенство в Болгарии требовалось зачислить в ведомство Болгарского Экзархата, однако по «братской церковной благосклонности» (как выразился протопресвитер Стефан Цанков), правда без принятия специального письменного решения, Священный Синод позволил создание и самостоятельных в юрисдикционном отношении общин и монастырей, вошедших позднее в состав Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ)¹².

Управлял этими общинами выдающийся архиерей и богослов владыка Серафим (Соболев). Он родился в 1881 г. в Рязанской губернии, окончил Рязанскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, служил ректором Воронежской духовной семинарии, а 1 октября 1920 г. — в Симферополе был хиротонисан во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии. Вскоре после хиротонии — 4 ноября 1920 г. — епископ Серафим с частями белой армии уплыл из Севастополя в Стамбул, а 19 февраля 1921 г. переехал из Турции в Болгарию. В апреле 1921 г. владыка был назначен Патриархом Тихоном управляющим русскими приходами в Болгарии с титулом епископ Богучарский, в мае постановлением Высшего Церковного Управления за границей (ВЦУЗ) — настоятелем посольского храма свт. Николая в Софии и русского Ямбольского монастыря, а в августе этого года новым постановлением ВЦУЗ — управляющим всеми русскими общинами и монастырями в Болгарии. В качестве административного и финансового органа при владыке был образован Епископский совет. Решением Архиерейского Синода РПЦЗ от 31 декабря 1929 г. титул епископа Серафима по его просьбе, в соответствии с указом Патриарха Тихона 1921 г., был изменен

¹¹ См.: Централен държавен архив — София (ЩА). Ф. 166к. Оп. 3. Ед. хр. 1; *Шавельский Г., протопр.* Русская школа в Болгарии // Труды V съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932. С. 3.

¹² См.: *Цанков С.* Болгарската православна църква от Освобождението до настояще време. София, 1939. С. 191.

с Лубенского на Богучарский. В 1934 г. владыка Серафим был возведен в сан архиепископа Богучарского¹³.

Архиепископ Серафим был духовным сыном оптинского старца Анатолия (Потапова) и неоднократно встречался со святым отцом Иоанном Кронштадтским, от которого получил благословение на монашеский путь. Об этих встречах владыка сказал в своем слове, произнесенном 19 февраля 1921 г. в софийском храме свт. Николая: «Мы сами наблюдали благодатную радость и силу, которыми исполнялся о. Иоанн после Св. Причастия»¹⁴.

Архиепископ объезжал все подведомственные ему приходы, посещал русские учебные заведения в Болгарии, а в Пещерской Крестовоздвиженской гимназии был попечителем и принимал участие в изыскании средств для ее существования. Живя в тяжелых материальных условиях и лишениях, владыка Серафим постоянно заботился о бедных и больных русских беженцах, он также создал Комитет для сбора помощи голодающим русским инокам на Афоне. До сих пор владыка состоит почетным членом Союза русских инвалидов в Болгарии. Правда, со многими болгарскими архиереями и болгарским правительством отношения у него не сложились; недружественные и даже порой враждебные отношения были у архиепископа Серафима и с двумя другими видными представителями русской церковной эмиграции в стране — протопресвитером Георгием Шавельским (который сам хотел занять пост настоятеля софийской церкви свт. Николая, так как раньше — еще осенью 1920 г. поселился в Болгарии) и архиепископом Дамианом (Говоровым)¹⁵.

Владыка Дамиан до революции 1917 г. служил епископом в г. Царицыне и, по свидетельству эмигрантского церковного писателя В. Маевского, «был исключительно мудрым, достойным и благостным архипастырем»¹⁶. Возведенный 13 мая 1930 г. в сан архиепископа Царицынского, владыка много сделал для установления хороших отношений между Православной и Англиканской Церквями и был известен своими богословскими работами¹⁷. Именно он в начале 1923 г. основал старейшее образовательное богословское учреждение русской эмиграции — единственное Богословско-пастырское училище РПЦЗ в Европе — при монастыре свв. Кирика и Иулитты в с. Горни Воден Станимакского (с 1934 г. Асеновградского) округа, переданном в 1922 г. Болгарским Синодом русским насельникам в безвозмездное пользование. Синод также в конце 1922 г. специальным решением разрешил открыть Богословско-пастырское училище, с тем чтобы его учащиеся подготавливались в качестве священников и для Болгарской Православной Церкви. Впрочем, в стенах монастыря свв. Кирика и Иулитты обучались и русские студенты из других стран Европы и даже Северной и Южной Америки. Обучение проводилось по программе дореволюционных русских духовных семинарий и продолжалось три—четыре года, преподавателями были

¹³ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103. Л. 1; Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). Джорданвилль, 1951. С. 18–21.

¹⁴ *Архиепископ Серафим (Соболев)*. Проповеди. София, 1997. С. 2.

¹⁵ См.: *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 140–141.

¹⁶ См.: Там же. С. 141.

¹⁷ См.: *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные архиереи периода с 1893 по 1965 год (включительно). Т. 3. Эрланген, 1984. С. 19.

старые русские богословы (первоначально и епископ Лубенский Серафим), а начальником училища — сам архиепископ Дамиан.

Основатели и преподаватели Богословско-пастырского училища разделяли идею «миссии русской эмиграции» — представления об эмигрантах из России как хранителях прежних, дореволюционных национальных ценностей и единственной силе, которая в будущем может восстановить эти ценности и Родину в целом. В своеобразном отчете о деятельности училища, опубликованном в 1932 г., говорилось: «За время русского изгнания среди эмигрантов ясно стала чувствоваться необходимость дать образование подрастающему поколению и тем подготовить его к будущему служению и строительству на Родине, когда Она, стряхнув с себя красное иго, особенно будет нуждаться в разного рода работниках-специалистах»¹⁸.

Несмотря на постоянную нехватку средств (Епископский совет выделял ему лишь 2400 левов в год), училище за 15 лет существования подготовило около 50 священнослужителей и преподавателей Закона Божия, из них 25 приняли священный сан (19 русских и 6 болгар); из 20 его выпускников до 1930 г. пять были пострижены в монашество. Кроме руководства училищем, владыка Дамиан с разрешения Архиерейского Синода периодически устраивал летние Богословско-пастырские курсы. Скончался архиепископ 19 апреля 1936 г. в Софии. После смерти владыки Дамиана Архиерейский Синод по представлению архиепископа Серафима (Соболева) 26 мая 1936 г. назначил начальником Богословско-пастырского училища иеромонаха Николая (Зданевича), но с кончиной основателя деятельность училища постепенно стала замирать, и в начале 1938 г. решением Синода РПЦЗ оно было закрыто¹⁹.

Также в 1938 г. перестал быть русской обителью и монастырь свв. Кирика и Иулитты. Его насельники в основном перешли в различные болгарские монастыри. Так, например, иеромонах Авксентий (Приходько) в 1925–1938 гг. был насельником обители свв. Кирика и Иулитты, а затем перешел в болгарский монастырь свв. апостолов Петра и Павла в местечке Бяла Черква²⁰.

15 ноября 1940 г. Болгарский Священный Синод заслушал доклад синодального секретаря об итогах работы, учебной программе русского училища и постановил приравнять аттестаты его выпускников к аттестатам Бачковского и Черепишского священнических училищ, а также выплачивать одинаковую зарплату священникам, закончившим одно из этих трех училищ²¹.

Помимо двух указанных архиереев, в 1925–1931 гг. в Болгарии также проживал имевший много духовных детей архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (Быстров), входивший сначала в состав Высшего Церковного Управления за границей, а позднее — Архиерейского Синода РПЦЗ. До начала

¹⁸ Историческая записка о Пастыро-богословском училище в монастыре «Св. Кирика» в Болгарии. София, 1932. С. 3.

¹⁹ См.: ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 106-109, 136; ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 43; Seide G., a. a. O., S. 270.

²⁰ См.: *Паралингов Э., диакон*. Русские священники-эмигранты, служившие в Пловдивской епархии после 1920 года: (по документам архива и библиотеки Пловдивской митрополии // Вестник ПСТГУ: II. 2006. № 4 (21). С. 59.

²¹ См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 87.

1931 г. он жил в Синодальном здании в Софии, а затем по приглашению своего старого друга уехал во Францию (в г. Кларамар под Парижем), где и скончался 19 февраля 1940 г.²²

К середине 1930-х гг. в Болгарии существовало два русских мужских монастыря: Ямбольский Святого Спаса (настоятель — архимандрит Сергей (Соболев), наместник — иеромонах Кирилл) и Асеновградский свв. Кирика и Иулитты (настоятель — архиепископ Дамиан), а также девять приходов: в Софии при храме свт. Николая (настоятель — протоиерей Николай Владимирский); на Шипке при храме Рождества Христова (настоятель — иеромонах Сергей (Чернов)); в Варне, где русская колония из 7 тыс. человек использовала переданный ей болгарский храм (настоятель — протоиерей Иоанн Слюпин); в Пловдиве русскому приходу предоставили в пользование болгарскую церковь св. Димитрия (настоятель — протоиерей Александр Недельский); в г. Пернике община в определенные дни использовала болгарскую церковь (настоятель — протоиерей Адриан Мышаков); в г. Пещера и г. Царебрوده ситуация была похожей (в Царебрوده община состояла из инвалидов русского дома призрения); в г. Руса приход также в определенные дни использовал болгарскую церковь; в с. Княжево под Софией имелся свой храм при русском инвалидном доме²³.

Архиереи Синода Русской Православной Церкви за границей были первыми иерархами Поместных Православных Церквей, которые вступили в евхаристическое общение с Болгарским Экзархатом и этим совершили прорыв в его изоляции от православного мира. Для участия в Русском Всезарубежном Соборе 21 ноября 1921 г. в г. Сремски Карловцы решением ВЦУЗ была приглашена и Болгарская Церковь, которую на Соборе представлял епископ Маркианопольский Стефан (будущий экзарх). В 1922–1923 гг. в различных городах Болгарии состоялось несколько совместных богослужений епископов Серафима (Соболева), Дамиана (Говорова) и Североамериканского архиепископа Александра с болгарскими архиереями, а в 1923 г. епископ Лубенский участвовал и в хиротонии Знепольского епископа Паисия (будущего митрополита Врачанского). После этого владыка Серафим настойчиво просил Архиерейский Синод РПЦЗ об официальном разрешении вопроса о взаимном молитвенном и богослужебном общении Русской и Болгарской Церквей. Протопресвитер Георгий Шавельский в 1922 г. в газетной статье «Русско-болгарские церковные отношения» также писал, что Болгарская Церковь «и в схизме сохранила всю неприкосновенность православной догматики, нравственности и обряда. Никто не сможет обличить ее в чем-либо не православном»²⁴.

В результате сначала Архиерейский Синод позволил русским священникам и диаконам совершать все виды богослужений и таинств со священниками Болгарской Церкви, а в октябре 1924 г. Архиерейский Собор в Сремских Карловцах разрешил русским архиереям совершать литургию совместно с болгарскими. Наглядным проявлением окончательного восстановления евхаристического общения стало совместное торжественное освящение архиереями двух Церквей

²² См.: Мануил (Лемешевский), митр. Указ. соч. Т. 6. Эрланген, 1989. С. 376–377.

²³ См.: ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 113.

²⁴ Свободная речь. София, 1922. 12 янв.

кафедрального собора св. кн. Александра Невского в Софии 12–13 сентября 1924 г. Следует отметить, что и управляющий западноевропейскими приходами Русской Церкви митрополит Евлогий (Георгиевский) 29 апреля 1928 г. служил литургию в соборе св. кн. Александра Невского вместе с Софийским митрополитом Стефаном²⁵.

Болгарская Православная Церковь с самого начала оказывала большую помощь русским эмигрантам. Будущий Софийский митрополит Стефан – тогда архимандрит, протосингел Священного Синода 19 января 1920 г. участвовал в создании Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета – первой значительной общественной организации, которая помогала беженцам, и 4 апреля 1920 г. был избран ее постоянным председателем. В мае 1920 г. Священный Синод вместе с Болгарским Красным Крестом, Славянским содружеством и другими болгарскими и русскими организациями предложил основать единый объединенный Комитет помощи русским беженцам, председателем которого был снова избран архимандрит Стефан. Окружным посланием Синод указал организовать епархиальные комиссии по сбору помощи русским беженцам.

12 декабря 1920 г. состоялось первое заседание Совещания представителей общественных благотворительных организаций в Софии, на котором от Священного Синода присутствовал архимандрит Стефан, а от Русского православного братства – протопресвитер Александр Рождественский и А.Г. Покровский. Вскоре после своей хиротонии 7 марта 1921 г. во епископа Маркианопольского, викария Софийской епархии, владыка Стефан 20 мая был назначен национальным комиссаром по вопросам русских беженцев и болгарским представителем в Верховном комиссариате Лиги Наций в Женеве, председателем которого был Ф. Нансен. В первом докладе по этому поводу премьер-министру Александру Стамболийскому епископ Стефан настаивал, чтобы Болгария приняла возможно большее число русских беженцев. По его словам, «жертвы, которая принесла и еще необходимо принести Болгарии для русских, возвратятся стократно застрашенной, возрожденной Россией, единственным естественным союзником и чистосердечным покровителем Болгарии»²⁶.

В 1921 г. начала формироваться и государственная система помощи русским беженцам, с этого года руководство данной деятельностью все более перемещается в ведение Министерства иностранных дел и исповеданий. Постановлением Совета Министров от 23 ноября 1921 г. был выделен кредит 2 млн левов для оказания помощи в переселении и устройстве 3 тыс. русских эмигрантов из Турции, а 30 ноября принято решение о создании Комитета по делам русских беженцев в Болгарии при отделе исповеданий Министерства иностранных дел. Именно этот орган стал главным государственным учреждением в стране, занимавшимся проблемами русской эмиграции, в том числе церковной, до февраля 1945 г.

Он распределял средства между Союзом русских инвалидов, Российским Красным Крестом, Союзом российских городов, Земско-городским комитетом,

²⁵ *Бойкикева К.-А.* Указ. соч. С. 167–168; *Елдров С.* Православие то на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2004. С. 265.

²⁶ *Къосева Ц.* Руската емиграция в България 20-те – 50-те години на ХХ в. София, 2002. С. 56–58, 67; *Колосова В.О.* Указ. соч. С. 344.

Комитетом русского учебного дела, Комитетом общественной помощи и другими русскими общественными организациями (которых в 1920-е гг. в Болгарии насчитывалось около 80). Первоначально председателем Комитета по делам русских беженцев также был назначен епископ Стефан. В этом качестве он развил энергичную деятельность в стране и за рубежом, которая зачастую не совпадала с интересами и целями болгарского правительства. В результате владыка был отстранен от руководства государственным комитетом, который с 15 января 1923 г. возглавлял Т. Кунев, а с 14 июня 1923 г. — генерал А. Пападанов²⁷.

На отставку епископа Стефана повлияло то обстоятельство, что в 1922 г. отношения русских эмигрантов с болгарским правительством резко ухудшились. Ориентируясь на Советскую Россию, оно не пожелало дальше терпеть в Болгарии Русскую дипломатическую миссию, об этом было прямо заявлено ее главе А.М. Петряеву. Чтобы не дожидаться официального предложения об оставлении пределов страны, Петряев принял решение о ликвидации миссии, публично заявив об этом 16 декабря 1922 г. в беседе с епископом Серафимом (Соболевым) и представителями русских общественных организаций в Софии. Дипломатическая миссия была закрыта в начале 1923 г., а ее имущество и архив переданы болгарскому государственному надзирателю за Русской миссией в Софии К. Сарикову, в ведение которого таким образом перешло и имущество Русской Церкви. Только в марте 1933 г. Сариков был освобожден от своей должности, и Министерство иностранных дел и исповеданий 30 марта передало все церковное имущество и архив настоятелю русского храма свт. Николая в Софии протоиерею Николаю Владимирскому. Болгарское правительство также отвергло проект устройства смешанного русско-болгарского Комитета по русским делам²⁸.

После отстранения от председательства в Комитете по делам русских беженцев владыка Стефан продолжил помогать русским беженцам, уже в качестве Софийского митрополита (избран 26 марта 1922 г.). Особенное внимание митрополита Стефана и Священного Синода в целом уделялось русским священникам, части которых выплачивали субсидии. 22 ноября 1934 г. впервые была выделена помощь 5 тыс. левов лично архиепископу Серафиму (Соболеву), а с 1 января 1935 г. Болгарский Синод выплачивал ему ежемесячные субсидии в размере 3 тыс. левов из Фонда «Общecerковные нужды». Решением Синода от 9 июля 1942 г. ежемесячные субсидии владыке были увеличены до 5 тыс. левов²⁹.

Синод также выделял стипендии русской молодежи для учебы в болгарских духовных семинариях, в 1925 г. направил 10 тыс. левов на создание русского богословского института в Париже, в 1928 г. — 20 тыс. левов на постройку русской церкви в Берлине, в 1938 г. оказал материальную помощь русскому монастырю Святого Спаса по просьбе архиепископа Серафима (Соболева) и выплатил 10 тыс. левов на миссию архиепископа Камчатского и Петропавловского Нестора в Индии «с целью обращения в истинную веру местных язычников». С начала 1920-х гг. и Министерство иностранных дел и исповеданий выделяло на помощь

²⁷ ЦДА. Ф. 166к. Оп. 3. Ед. хр. 1; *Елѣров С.* Указ. соч. С. 165.

²⁸ См.: *Колосова В.О.* Указ. соч. С. 345–346; ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 1031. Л. 5-9; *Куосева Ц.* Указ. соч. С. 300.

²⁹ См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 620, 796; Ед. хр. 8. Л. 78.

русским посольским храмам в столицах европейских государств по 10 тыс. левов ежегодно³⁰.

17 июня 1922 г. Болгарский Синод распорядился возносить за богослужениями молитвы за русский народ и Русскую Православную Церковь, а в 1923 г. отправил болгарскому правительству и ряду влиятельных международных организаций послание с просьбой содействовать прекращению гонений на христиан в Советской России и освобождению Патриарха Тихона из-под ареста³¹.

В 1934 г. Болгарская Православная Церковь помогла русским общинам и монастырям в стране пережить очень тяжелое потрясение. Пришедшее к власти 19 мая 1934 г. так называемое беспартийное правительство Кимона Георгиева решило установить дипломатические отношения с СССР, однако в ходе предварительных конфиденциальных переговоров советская сторона потребовала передать ей все русское церковное имущество в Болгарии. Прогнозируя такую возможность, Болгарский Синод еще 30 марта 1934 г. по просьбе архиепископа Серафима (Соболева) назначил специальную комиссию, которая занялась юридическим статусом этого имущества. Высказанные владыкой Серафимом Синоду опасения о возможности закрытия русских церквей после передачи их зданий СССР были небезосновательны, так как после установления дипломатических отношений Австрии с Советским Союзом русская церковь в Вене была превращена в Музей атеизма. Чтобы эта судьба не постигла русские храмы в Болгарии, Синод обратился за содействием в Министерство иностранных дел и исповеданий, к болгарскому правительству также поступили соответствующие письменные обращения архиепископа Серафима (Соболева), Софийского митрополита Стефана и Союза ветеранов Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Под давлением церковной общественности болгарское правительство выдвинуло одним из условий нормализации отношений с СССР сохранение прежнего статуса русского церковного имущества в стране, что вызвало своеобразный шок у членов советского правительства.

В результате долгих и трудных переговоров было достигнуто компромиссное решение, зафиксированное в протоколе от 5 августа 1934 г.: храм-памятник на Шипке и Ямбольский монастырь будут подарены болгарскому народу при условии, что там будет осуществляться исключительно болгарское управление, без всякого участия русских эмигрантов; софийская же церковь свт. Николая временно останется в ведении дипломатического представительства СССР, пока советский посол не решит практические вопросы, связанные с отделением здания церкви от представительства и обеспечением безопасности советских дипломатов.

По предложению Советского Союза эта часть протокола была засекречена до установления дипломатических отношений СССР с Югославией, так как советское правительство не отказалось от претензий на русские церкви на территории Югославии. 15 сентября 1934 г. Никольский посольский храм был передан во временное пользование болгарскому государству в лице Министерства инос-

³⁰ См.: Там же. Е.д. х.р. 40. Л. 5–6. Е.д. р. 43. Л. 671. Е.д. хр. 60. Л. 150; Оп. 2. Е.д. х.р. 186. Л. 1; Ф. 166к. Оп. 1. Е.д. хр. 499. Л. 201, 239.

³¹ См.: *Елджров С.* Указ. соч. С. 265.

транных дел, а 18 декабря того же года министерство передало церковь со всем ее имуществом Софийской митрополии. С этого момента храм на 12 лет перестал быть русским. 6 июля 1940 г. был составлен протокол о предоставлении Никольской церкви во временное пользование болгарскому правительству на 15 лет, и в том же году ее передали Софийскому университету св. Климента Охридского в качестве университетского храма³².

Идея болгарских дипломатов о передаче русских храмов в ведение болгарских церковных властей была крайне негативно встречена русской эмиграцией в целом и духовенством в частности. Архиепископ Серафим, который с трудом пережил тяжелый внутренний кризис, обратился в Болгарский Синод с просьбой о заступничестве, но ничего сделать уже было нельзя. Архиепископ Дамиан также болезненно воспринял случившееся — 6 октября 1935 г. он с возмущением писал Архиерейскому Собору РПЦЗ, что в Болгарии не приняты меры «к сохранению русского достояния за народом и Церковью»³³.

Болгарская Церковь смогла лишь смягчить последствия случившегося. Митрополит Стефан предоставил русской общине Софии древний болгарский Никольский храм на ул. Царя Калояна (в самом центре города), куда перешел причт посольской церкви: протоиереи Николай Владимирский, князь Андрей Ливен и Георгий Голубцов, а также прекрасный хор, которому еще в 1931 г. Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Антоний (Храповицкий) присвоил имя архиерейского, и многочисленное церковное братство, занимавшееся главным образом церковно-просветительной и благотворительной деятельностью. Уже в новом храме община в 1935 г. торжественно встретила прибывшую из Югославии чудотворную Курско-Коренную икону Божией Матери «Знамение»³⁴.

Весной 1936 г. русским монахам из Ямбольского монастыря митрополит Стефан предоставил в пользование здание Какалянского монастыря св. Архангела Михаила вблизи Софии, здесь поселилось 10 насельников. Вместо храма на Шипке Священный Синод в 1935 г. передал русской общине в Варне в пользование древний византийский храм св. Афанасия Великого³⁵.

К этому времени численность русской эмиграции в Болгарии в результате возвращения на родину (в первой половине 1920-х гг. в СССР вернулось около 11 тыс.), переезда в другие страны и естественной убыли заметно сократилась. По данным различных болгарских историков, в 1929–1930 гг. их насчитывалось от 21,5 до 23 тыс., а в 1938–1939 гг. — от 15,5 до 18,2 тыс. Правда, в письме Министерства иностранных дел и исповеданий от 23 августа 1934 г. военному министру говорилось, что из 35 тыс. русских беженцев в начале 1920-х гг. в стране осталось еще 25 тыс. А в 1940 г., по официальной статистике, в Болгарии проживало 18 397 русских³⁶.

³² См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Е.г. х.р. 53. Л. 169; *Кюсева Ц.* Указ. соч. С. 300–305.

³³ The Archives of the Orthodox Church in America – Syosset. Box 1.

³⁴ См.: Русские храмы и обители в Европе. С. 30–31.

³⁵ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 136. Л. 1–2; *Кюсева Ц.* Указ. соч. С. 292–299.

³⁶ См.: Бялата емиграция в България. С. 52, 87, 433; ЦДА. Ф. 166к. Оп. 3. Ед. хр. 175.

Несмотря на уменьшение паствы, церковная жизнь не замирала. Более 100 русских священников и диаконов служили в приходах Болгарского Экзархата, только в Пловдивской епархии их до 1944 г. было около 35, и подавляющее большинство высоко оценивалось в рапортах архиерейских наместников³⁷. Свидетельством достойного служения русских священников в Болгарии было их частое награждение Архиерейским Синодом РПЦЗ. Так, 12 июня 1930 г. Архиерейский Синод по представлению владыки Серафима (с согласия Болгарского Синода) наградил золотым наперсным крестом болгарского протоиерея Тодора Петрова «за исключительную любовь и постоянную заботу о русских беженцах, проживающих в его приходе», а 22 июня наградил золотым наперсным крестом с украшениями русского протоиерея Константина Чирко по ходатайству Велико-Тырновского митрополита Филиппа от 16 июля 1930 г.³⁸

Активную преподавательскую, научную и церковно-общественную деятельность, несмотря на преклонный возраст, вплоть до конца Второй мировой войны вел протопресвитер Георгий Шавельский. В частности, 19 декабря 1938 г. он писал редактору выходившего в Белграде журнала «Церковное обозрение» Е.И. Махараблидзе о том, что вышли его книги: о Боге, о монастырях (часть будущего труда «Русская Церковь перед революцией») и вызвавший восторженные отзывы курс лекций «Православное пастырство», по которому учатся на богословском факультете Софийского университета. В это время о. Георгий заканчивал еще одну книгу – беседа деда с внуком «О молитве Господней, или О том, что нужно человеку», а затем планировал написать большую статью на болгарском языке «Юдаистический национализм в свете учения ветхозаветных пророков» для академического журнала.

Кроме того, протопресвитер служил в храме, читал лекции в Софийском университете, вел 15 уроков в неделю в русской гимназии (директором которой одно время являлся) и председательствовал в трех обществах: Академической группе, Союзе учителей и Обществе почитателей императора Николая II. В другом письме Махараблидзе, от 11 января 1941 г., о. Георгий сообщал, что ему, вероятно, вскоре удастся написать на болгарском языке еще две книги: «Литургия» и «Жить – служить». При этом протопресвитер, для которого была характерна большая скромность в личной жизни, категорически не хотел праздновать предстоящее 50-летие своего служения в священном сане³⁹.

В 1927 г. о. Г. Шавельский перешел из РПЦЗ, где не смог прижиться, прежде всего из-за либерализма и широты его богословских взглядов, в Болгарскую Православную Церковь. Выдающиеся организаторские способности, яркий проповеднический и педагогический талант протопресвитера вскоре были высоко оценены руководством Болгарского Экзархата.

Фактически ко всем иерархам, входившим в Архиерейский Синод РПЦЗ, о. Георгий испытывал неприязнь, что во многом объясняется свойствами его личного характера. Так, 23 апреля 1940 г. он писал Махараблидзе: «Епископат

³⁷ См.: *Паралингов Э., диакон*. Указ. соч. С. 54–59.

³⁸ См.: ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 107. Л. 3; Д. 108. Л. 2.

³⁹ См.: Архив Германской епархии Русской Православной Церкви за границей (АГЕ). Д. Разная переписка. Военные годы. Л. 1, 23.

наш зарубежный... обидней всего, когда слышишь, с какой сдержанностью отзываются о нем архиереи других славянских стран. Постепенно мы дошли до этого позорного состояния... Вашего [Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия] я отлично знаю. При многих способностях, которыми наделил его Господь, ничего крупного он не сделал и не может сделать, вследствие постоянного низкопоклонства пред сильными, постоянного лавирования и боязни взять на себя какую бы то ни было ответственность. С такими добродетелями в большой работе далеко не уедешь. А это ведь лучший... О худших «срамно есть и глаголати»... И все же верю я, что Господь не только спасет, но и возвеличит нашу церковь»⁴⁰.

В 1937 г. русское богословие в Болгарии понесло тяжелую утрату – скончался Н.Н. Глубоковский. В надгробном слове, сказанном Софийским митрополитом Стефаном при отпевании профессора в кафедральном соборе св. кн. Александра Невского 21 марта 1937 г., говорилось: «Николай Никанорович не имел себе равного в сфере всесторонней и разнообразной культуры, которой он достиг усердным трудом и систематическим совершенствованием богатых своих дарований. Одним из немногих он достиг самой большой высоты, чтобы быть признанным и православными, и католиками, и протестантами первой учено-богословской величиной, вызывающей у всех серьезных богословских, философских и социальных мыслителей искреннее почтение и уважение. Профессор доктор Н.Н. Глубоковский поистине был феноменом. Он имел классическое духовное равновесие, законченный характер, гениальный ум с гениальным сердцем и памятью. Он был всегда и всюду человеком без лицемерия... Мы уверены, что, когда многострадальная родина знаменитого усопшего озарится духом свободы, правды, мира и любви, духом, витающим над ее достойными сынами и благословляющим русскую землю к благоденствию, подъему и мощи, Глубоковский войдет в пантеон гениев великой русской души, в первых рядах которого находятся носители и служители православного сознания, начертанного на скрижалях их ученой богословской мысли!»⁴¹

Архиепископ Серафим (Соболев), как и Н.Н. Глубоковский, о. Георгий Шавельский, активно занимался научной богословской работой. Наиболее полное его мировоззрение нашло отражение в двух книгах: «Русская идеология» (София, 1934) и «Об истинном монархическом мирозерцании» (София, 1941). Оставаясь до конца своих дней искренним монархистом, владыка рассматривал православие и самодержавие в неразрывном единстве, как основные постулаты и святыни русской идеологии. В своей книге 1941 г. он писал: «Таким образом, на симфонию властей, при наличии истинной самодержавной власти царя, мы смотрим как на средство достижения русской идеологии и возрождения России»⁴². В работах архиепископа встречаются резкие антисоветские высказывания, власть коммунистической идеологии в России он считал исторически обреченной, но после ее крушения полагал необходимым восстановить монархию,

⁴⁰ См.: АГЕ. Д. Разная переписка. Военные годы. Л. 14–15.

⁴¹ Клементьев А.К. Указ. соч. С. 328–329.

⁴² Серафим (Соболев), архиеп. Об истинном монархическом мирозерцании. СПб., 1994. С. 87.

так как при появлении в стране того или иного демократического строя Православная Церковь окажется в положении гонимой⁴³.

Среди богословских трудов архиепископа Серафима особое место занимает опровержение «софианской ереси» в работах протоиерея Сергея Булгакова. В 1935 г. владыка написал в этой связи книгу «Новое учение о Софии Премудрости Божией» (за которую в 1937 г. был удостоен степени магистра богословия), а затем другой труд — «Протоиерей Сергей Булгаков как толкователь Священного Писания». Отношение архиепископа к основателю и Первоиерарху РПЦ митрополиту Антонию (Храповицкому) было непростым — владыка Серафим горячо изобличал представления митрополита о догмате искупления (так называемое лжеучение об искупительной жертве Христа), что нашло отражение в книге «Искажение Православной Истины в Русской Богословской мысли» (София, 1943). В том же году в Софии вышел еще один его труд «Искажение Православного учения о спасении», где владыка полемизировал с основными положениями дореволюционной книги архимандрита Сергея (Страгородского — будущего Патриарха Московского и всея Руси) «Православное учение о спасении». Для взглядов архиепископа Серафима была характерна и непримиримая позиция в отношении экуменического движения, с соответствующими докладами в защиту православия он, в частности, выступал на II Всезарубежном Соборе РПЦ в 1938 г.

При всем своем антикоммунизме владыка никогда не отождествлял советскую власть с Московским Патриархатом, уже в 1930-е гг. он поддерживал связь с его иерархами за границей — архиепископом Вениамином (Федченковым) и митрополитом Елевферием (Богоявленским) и не сомневался в полномочиях Заместителя Патриаршего Местоблюстителя (с 1937 г. — Патриаршего Местоблюстителя) митрополита Сергея (Страгородского). Именно для митрополита Сергея архиепископ Серафим в 1935–1936 гг. переправил в СССР три экземпляра своей книги о новом лжеучении в трудах протоиерея Сергея Булгакова. Следует отметить, что когда в 1934 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя запретил в священнослужении большинство архиереев РПЦЗ, владыки Серафима в их числе не было⁴⁴.

По некоторым косвенным сведениям, архиепископ Серафим еще до начала Великой Отечественной войны имел контакты и с советским посланником в Болгарии. В частности, 20 марта 1941 г. наместник королевского престола Югославии князь Павел заявил Сербскому Патриарху Гавриилу: «Болгары от Соболева уже имели обещание, что Россия поможет в уступке им Сербской Македонии»⁴⁵.

Хотя архиепископ Богучарский состоял членом Архиерейского Синода, его отношения с другими архиереями РПЦЗ не были простыми. Так, 18 сентяб-

⁴³ *Серафим (Соболев), архиеп.* Русская идеология. СПб., 1994. С. 14.

⁴⁴ См.: *Кострюков А.А.* Преодолевший разделение: К жизнеописанию архиепископа Серафима (Соболева) // Церковь и время. 2006. № 3 (36). С. 108.

⁴⁵ *Дурковић-Јакишић Л.* Учесће патријарха Гаврила и Српске цркве у догађајима испред и за време 27. марта 1941 године и њихово страдање у току рата // Гласник. Београд, 1980. № 8. С. 131.

ря 1939 г. Архиерейский Собор, рассмотрев ходатайство владыки Серафима о поставлении ему викарного епископа в лице его родного брата архимандрита Сергия (Соболева) с приложением соответствующего ходатайства Софийского митрополита Стефана, постановил: «Принимая во внимание малое количество приходов в Болгарии и родственные связи, признать излишним учреждение викариата и ходатайство отклонить, хотя архимандрит Сергий и достоин избрания во епископы»⁴⁶. В результате архиерейская хиротония о. Сергия так никогда и не состоялась. Ко времени вступления Болгарии во вторую Мировую войну архиепископ Серафим по-прежнему единолично управлял мужским монастырем примерно с 10 насельниками и восемью приходами.

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. существенно изменило положение русской эмиграции в Болгарии, местная полиция установила над ней жесткий контроль. Все русские и украинские эмигранты были зарегистрированы и поставлены под надзор, им запрещалось участвовать в какой-либо политической деятельности. Первые месяцы значительная часть эмигрантов надеялась на скорое возвращение на родину, причем некоторые считали, что это нужно делать с оружием в руках в качестве союзников немецкой армии. 24 июня несколько эмигрантских обществ обратились с призывом к начальнику 3-го отдела Российского общевойскового союза (РОВС) в Болгарии генерал-лейтенанту Ф.Ф. Абрамову с предложением вступить в контакт с посольством Германии с целью организации русских, желающих сотрудничать с немецкой армией в ликвидации большевизма или работать в германских органах власти на территории СССР⁴⁷. Вскоре было получено соответствующее разрешение болгарских властей, и впоследствии РОВС многократно обращался с призывами в подобном духе, но число записавшихся оказалось ничтожно.

Значительно более успешно прошел набор добровольцев в созданный эмигрантами на территории Югославии так называемый Русский охранный корпус, который сражался против югославских партизан-коммунистов и не был допущен немцами на территорию СССР. Набор в корпус в Болгарии начался в марте 1942 г. и завершился в январе 1943 г., всего, по данным болгарских историков, записалось около 2 тыс. человек (более 30 % от числа эмигрантов мужского пола призывного возраста). Члены корпуса были транспортированы в Югославию в составе 43 групп в среднем по 50 человек в каждой. В софийском Центральном государственном архиве сохранился список записавшихся с данными на 1500 человек, в основном это были люди 40–50 лет, бывшие военные, не принявшие болгарского подданства⁴⁸.

Однако в корпус записалось и несколько сот молодых людей: значительная часть членов Национальной организации русских разведчиков (ее болгарский отдел в 1939 г. насчитывал около 600 человек) и Союза русского сокольства, из них более 250 погибло в боях с югославскими партизанами. Акция записи проводилась при активном содействии болгарского правительства и не всегда

⁴⁶ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей (СА). Д. Архиерейские Соборы 1921–1949 гг.

⁴⁷ См.: ГА РФ. Ф. 9116. Оп. 1. Д. 17. Л. 90, 109.

⁴⁸ См.: ЦДА. Ф. 264к. Оп. 1. Ед. хр. 188.

добровольно. В июне 1942 г. командование болгарской армии издало секретную директиву, согласно которой не принявшие болгарское гражданство эмигранты призывались в Русский охранный корпус. Записавшиеся же подданные Болгарии освобождались от мобилизации в болгарские части. В том же месяце Болгарский Синод удовлетворил просьбу генерал-лейтенанта Ф.Ф. Абрамова об оказании безвозмездной помощи богословскими книгами, церковными облачениями и утварью для походной церкви корпуса в Белграде.

В дальнейшем несколько десятков русских эмигрантов из Болгарии записались во власовские военные формирования; по этому поводу советский посол А. Лавричев 3 августа 1943 г. даже подал ноту протеста в болгарское Министерство иностранных дел и исповеданий (в Софии продолжало действовать посольство СССР). В то же время значительная часть русских была настроена просоветски, десятки их активно участвовали в движении сопротивления болгарских коммунистов или сотрудничали с советской и английской разведками. По некоторым сведениям, советские разведчики были даже в ближайшем окружении архиепископа Серафима (Соболева). Большинство же эмигрантов из России, как и раньше, оставалось вне политической борьбы, сопереживая трагедии своего народа на оккупированной немцами территории СССР⁴⁹.

Русское духовенство так же страстно хотело возвращения на родину, причем в его среде первоначально имелись прогерманские настроения. Так, 8 октября 1941 г. уполномоченный Центрального казачьего союза в Болгарии, служивший в соборном храме г. Велико-Тырново священник Феодор Власенков обратился к русским священнослужителям с призывом подавать заявления о желании пастырского служения в России. В его сильно политизированном послании говорилось: «Настал тот долгожданный и счастливый день, в который Господу Богу угодно было освободить наших страждущих братьев из-под ненавистного безбожнического коммунистического ига. Украина уже свободна, и доблестные германские войска со своими союзниками победоносно вступили в наши родные казачьи края... Если Господь Бог нас сохранил... то промыслом Божиим мы теперь снова предназначаемся для нашего дальнейшего пастырского служения нашим исстрадавшимся братьям в освобожденных краях. Так будем же истинными и последовательными священнослужителями и исполним до конца и даже до смерти свой пастырский долг, служа беззаветно на благо Святой Церкви Христовой, на славу и величие Родного Казачества. Итак, с Богом вперед!

Здесь в Болгарии с согласия болгарского правительства открылась германская комиссия, которая принимает добровольные заявления со сведениями о личности всех русских эмигрантов, желающих отправиться в родные края. Я... прошу всех [священнослужителей] добровольно дать о себе сведения, приложив три фотографии, подписанные собственноручно на обороте. Эти сведения будут мною отосланы в Прагу Протопресвитеру военного и морского духовенства Казачьих войск профессору о. Михаилу Попову, который в свою очередь передаст германскому правительству, а правительство Великого Рейха будет уже да-

⁴⁹ См.: Там же. Ф. 791к. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 251; Бялата емиграция в България. С. 64–65, 436.

вать разрешение персонально на беспрепятственный проезд в казачьи края»⁵⁰. В соответствии с просьбами о. Ф. Власенкова в некоторых болгарских епархиях были составлены списки служивших там русских священников⁵¹ (но из затеи отца Феодора ничего не вышло).

Архиепископ Серафим также горячо желал участвовать в возрождении Русской Православной Церкви на родине и с первых месяцев войны начал предпринимать различные действия для скорейшего возвращения вместе с подведомственным ему духовенством в Россию. 15 октября 1941 г. он писал председателю Архиерейского Синода РПЦЗ митрополиту Анастасию: «Какие у Вас планы: когда Вы и как перенесете деятельность [в Россию]?.. [Когда] придется ехать в Россию и в какой город, если освободится Москва? Соберете ли Вы нас в последний раз и где? я здесь начинаю налаживать отправку русских священников в Россию через германское командование. Остро стоит вопрос с антиминсами»⁵².

В ответе владыки Анастасия от 23 октября 1941 г. говорилось, что он уже давно ведет сношения с германскими властями о переносе работы в Россию, одновременно регистрирует желающих ехать священнослужителей и просит предоставить список зарегистрированного в Болгарии русского духовенства. Первоиерарх также просил приехать в Белград на заседание Синода и спрашивал о возможности получить через Болгарский Синод Требник, Священное Писание и антиминские платы, так как хорватские усташи⁵³ закрыли церковную типографию в Сремских Карловцах⁵⁴.

Получив одобрение его инициативы от Первоиерарха РПЦЗ, архиепископ Серафим 28 октября 1941 г. обратился к наместнику-председателю Болгарского Синода митрополиту Неофиту с обширной докладной запиской, в которой просил оказать разнообразную помощь в организации церковной жизни в России: «Вам благоугодно было, как главе братской нам Православной Болгарской Церкви, дать свое благословение мне на организацию дела отъезда русских священников, находящихся на церковной болгарской службе, в Россию. Покорно прошу Вас и всех членов Св. Синода оформить это дело и прислать мне, по возможности в непродолжительном времени, письменное благословение от лица Св. Синода... Прежде всего, покорно прошу... прислать мне имена, фамилии и адреса русских священников и диаконов, служащих в каждой Митрополии Болгарской Церкви. Конечно, реальное осуществление отправки русского духовенства в Россию зависит от Германского правительства, и лишь по получении его согласия могут быть предприняты более конкретные шаги. Мною принимаются меры для выяснения этого вопроса.

Ваше Высокопреосвященство обрадовали меня обещанием выдать возможное количество св. мира, церковных облачений, богослужебных книг и

⁵⁰ ЦДА. Ф. 791к. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 3.

⁵¹ См.: Паралингов Э., диакон. Указ. соч. С. 55.

⁵² СА. Д. 15/41.

⁵³ Усташи – хорватская националистическая профашистская партия, находившаяся у власти в Хорватии в годы Второй мировой войны. Политика усташей в этот период была направлена на истребление сербов и их насильственный перевод в католичество.

⁵⁴ См.: СА. Д. 15/41.

антиминсов для отъезжающего духовенства. Я надеюсь также и на возможную материальную помощь... Я верю, что все, что Св. Болгарская Церковь в эту историческую минуту сделает в своей братской любви и в довершении всего того, что уже сделано в эти годы нашего изгнания, Русская Церковь сторицею и с великой любовью и благодарностью возместит»⁵⁵. Следует отметить, что владыка Серафим в своих обращениях и письмах нигде не писал, подобно о. Ф. Власенкову, о свержении «жидо-массонского ига», «доблестных германских войсках» и т. п.

Митрополит Неофит очень сочувственно отнесся к обращению владыки Серафима и сразу же после его получения написал положительную резолюцию. 4 ноября 1941 г. сокращенный состав Болгарского Синода решил, что при отъезде в Россию архиепископ может взять с собой всех русских священников, служащих по ведомству Болгарской Церкви, в том числе принявших болгарское подданство. В тот же день Синод известил об этом архиепископа Серафима и разослал окружное послание епархиальным архиереям с указанием представить сведения обо всем русском духовенстве и освободить от службы священников, желающих уехать в Россию⁵⁶.

8 ноября владыка Серафим написал митрополиту Анастасию о беседе в конце октября с митрополитом Неофитом и сообщил о своем запросе в германское посольство относительно получения из Берлина разрешения русскому духовенству выезда в Россию, на который еще не было ответа. Богучарский архиепископ также выслал Архиерейскому Синоду 8 тыс. левов из епархиальных сумм и указал, что о Требнике, возможности напечатать в Болгарии антиминсы и Священное Писание сообщит позднее. Архиерейский Синод с большим удовлетворением принял к сведению эту информацию, правда, приехать на его заседание в Белград, несмотря на личную просьбу митрополита Анастасия, архиепископ Серафим из-за противодействия болгарских властей не смог, о чем он с прискорбием уведомил Первоиерарха⁵⁷.

Казалось бы, русское духовенство должно было вскоре вернуться из Болгарии на родину. В ходе переговоров со служащими германского посольства в Софии в конце октября – начале ноября 1941 г. владыку Серафима на словах заверили, что немецкие власти «охотно пойдут навстречу» и архиепископ может на первое время остановиться в Одессе. Правда, на просьбу представителей РПЦЗ в Берлине о получении денежного займа на организацию религиозной жизни русского народа последовал отказ. Им было обещано проведение международной подписки по сбору соответствующей помощи через Красный Крест и организацию «Про Део»⁵⁸, но и это не состоялось. По вопросу разрешения выезда русского духовенства из Болгарии архиепископ Серафим обратился и к болгарскому правительству, которое сообщило о необходимости выяснить мнение Священного Синода, но дало согласие отправить в Россию миссию Болгарского Красного Креста и посоветовало архиепископу установить связь с Красным

⁵⁵ См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 2. Ед. хр. 166. Л. 20.

⁵⁶ См.: Там же. Л. 22–23.

⁵⁷ См.: СА. Д. 17/41.

⁵⁸ Общественная прогерманская антикоммунистическая организация.

Крестом. Волна энтузиазма охватила русское духовенство. В частности, протопресвитер Г. Шавельский в те дни сказал Софийскому митрополиту Стефану о своем желании в ближайшее время вернуться в Россию и заверил владыку, что все русские священники думают так же⁵⁹.

К середине ноября архиепископ Серафим установил письменную связь с православным духовенством на Украине, в частности, епископ Сумский Митрофан сообщил ему из Херсона о тяжелой церковной ситуации там (острой нехватке духовенства, храмов, церковной утвари) и попросил о помощи. По утверждению митрополита Стефана на заседании Болгарского Синода 14 ноября 1941 г., в Софии (видимо, болгарское правительство) решили направить протоиерея Николая Владимирского помощником коменданта Киева, а архиепископ Серафим (Соболев) сообщил Софийскому митрополиту, что он готов выехать в Россию «в любую минуту». Согласно информации владыки Стефана эмигрантское русское духовенство хотело сделать Киев центром духовной жизни, именно там организовать церковную власть, и поэтому обратилось к Болгарскому Синоду с просьбой помочь отцам Н. Владимирскому и Г. Шавельскому до Нового года выехать в Киев.

23–24 ноября эти два священника посетили митрополита Неофита и попросили включить их в состав Болгарской санитарной миссии Красного Креста, подготовка которой к тому времени была завершена. В эти же дни протоиерей А. Ливен встретился с митрополитом Врачанским Паисием и от имени архиепископа Серафима (Соболева) попросил не отправлять священников в Россию без одобрения владыки, получив заверение, что Болгарский Синод «не будет пренебрегать законной церковной властью»⁶⁰. 25 ноября Священный Синод в полном составе решил включить в миссию Болгарского Красного Креста трех священнослужителей: болгарина архимандрита Евгения в качестве руководителя группы, а также отцов Н. Владимирского и Г. Шавельского⁶¹.

При этом Синод еще раньше обещал русскому духовенству разнообразную материальную помощь. К 5 декабря он собрал 4250 икон и Библий, и митрополит Анастасий, узнав об этом из газет, в письме от 16 декабря просил архиепископа Серафима выразить благодарность за помощь руководству Болгарской Православной Церкви. На заседании от 14 ноября Болгарский Синод даже решил подготовить для отправки в Россию свою собственную церковную миссию. Прочитав об этом в письме архиепископа Серафима, Первоиерарх РПЦЗ 8 января письменно выразил глубокую благодарность видинскому митрополиту Неофиту за то, что «Св. Синод Болгарской Православной Церкви, движимый братской любовью к Русской Церкви, решил послать в освобожденную германскими войсками местность России нарочитую миссию, возглавленную Епископом и снабженную большим количеством богослужебных книг, облачений и церковной утвари для оказания находящемуся на местах русскому духовенству материальной и нравственной помощи в деле восстановления повсюду богослужебной и

⁵⁹ См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 189–190.

⁶⁰ То есть священноначалием Русской Православной Церкви.

⁶¹ См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 189–190.

нормальной церковной жизни вообще». При этом митрополит Анастасий просил, чтобы назначенный для руководства миссией епископ проследовал в Россию через Белград и Берлин, «где он мог бы быть достаточно проинформирован об истинном положении Церкви в России»⁶².

Однако к 1942 г. ситуация коренным образом изменилась. Нацистское руководство Германии негативно относилось к Православной Церкви вообще и Зарубежной Русской Церкви в частности, считая ее потенциально опасной националистической и монархической организацией, стремящейся к возрождению великой, единой и неделимой России. Поэтому руководящие органы власти третьего рейха не поддержали позицию немецкого посольства в Болгарии и категорически запретили въезд всех без исключения русских священников-эмигрантов на оккупированную территорию СССР. Еще 5 декабря 1941 г. болгарский министр иностранных дел и исповеданий И. Попов под нажимом германских властей в свою очередь в чрезвычайно резкой форме запретил Болгарскому Синоду не только отправлять какую-либо миссию в Россию, но и вообще оказывать материальную помощь возрождению церковной жизни в занятых немцами областях СССР (этот запрет полностью выполнен не был). Не состоялась и отправка миссии Болгарского Красного Креста. Правда, Попов не знал, что русские священники также не будут пропущены из Болгарии в Россию, поэтому, когда в начале декабря его посетил архиепископ Серафим, отцы Н. Владимирский и Г. Шавельский с просьбой о помощи в отъезде, министр заверил, что поможет при появлении возможности отправлять русских священников. В связи с этим владыка Серафим 22 декабря с еще остававшейся надеждой писал митрополиту Анастасию, что он с получившими канонический отпуск Болгарского Синода русскими священнослужителями отправится в Россию, как только появится возможность⁶³.

Переезд Богучарского архиепископа с подведомственным ему духовенством на Родину так и не состоялся из-за противодействия германских, а под их давлением и болгарских властей. Но в течение всего периода войны он все же пытался оказать ту или иную помощь возрождению церковной жизни на оккупированной территории СССР. Так, весной 1942 г. по заказу владыки Серафима в Болгарии были напечатаны 10 тыс. молитвенников для распространения в России (объемом 40 страниц, по 1 леву за экземпляр)⁶⁴. Архиепископ активно помогал и печатанию богослужебной литературы для России в монастырской типографии Братства прп. Иова Почаевского в Словакии. Вся изготовленная или собранная церковная утварь, литература, иконы, крестики и т. п. различными, зачастую нелегальными путями, переправлялась на территорию СССР.

Вплоть до осени 1944 г. архиепископ Серафим входил в Синод РПЦЗ, хотя, несмотря на неоднократные просьбы митрополита Анастасия, из-за противодействия болгарских и германских властей в течение войны ни разу не смог приехать на заседания Синода в Белград. Однако проекты всех важнейших решений

⁶² Там же. Оп.2. Ед. хр. 166. Л.10; Са. Д. 17/41.

⁶³ См.: Там же. Д.34/42; ЦДА. Ф.791 к. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 284.См.: ЦДА. Ф. 791 к. Оп. 1 Ед. хр. 67. Л.210, 227, 233, 241.

⁶⁴ См.: Православная Русь. 1942. № 9–10. С. 8.

пересылались для его отзыва в Софию (например, 16 мая 1942 г. — о создании Средне-Европейского митрополичьего округа). 9 июня 1942 г. митрополит Анастасий просил владыку Серафима известить руководство Болгарской Церкви о запрещениях в священнослужении ставшего главой неканонической Хорватской Православной Церкви архиепископа Гермогена (Максимова), высказать по этому поводу свое суждение и в очередной раз попытаться «получить разрешение для участия в заседании Синода». 12 мая 1943 г. Первоиерарх РПЦЗ с горечью констатировал, что Архиерейский Синод «сейчас сводится» к председателю (митрополит Анастасий), секретарю (Г. Граббе) и трем членам: архиепископу Курскому Феофану, митрополиту Берлинскому Серафиму и архиепископу Богучарскому Серафиму, причем два последних могут лишь посылать письменные отзывы⁶⁵.

18 июня 1943 г. скончался архиепископ Феофан, и митрополит Анастасий 17 июля предложил занять место секретаря Синода и его члена — представителя от Западно-Европейского митрополичьего округа викарию Средне-Европейского митрополичьего округа епископу Венскому Василию (Павловскому). В своем отзыве на проект этого решения от 11 июля архиепископ Серафим (Соболев) согласился с привлечением епископа, но высказал предложение, что если Берлинский митрополит Серафим (Ляде) пожелает, чтобы владыка Василий представлял и Средне-Европейский округ, то пусть он сам сложит с себя звание члена Синода в пользу своего викария (этого не произошло). 11 августа митрополит Анастасий письменно попросил Богучарского архиепископа до прибытия епископа Василия в Белград временно исполнять обязанности секретаря Синода и в этом качестве подписать определение Архиерейского Синода по делу о нестроениях в Париже. Архиепископ Серафим подписал это определение, но, судя по всему, в Софии, не приезжая в Белград. Обязанности секретаря Синода он исполнял недолго, уже 14 сентября 1943 г. епископ Василий получил визу немецких властей и вскоре прибыл из Германии в Белград⁶⁶.

Первые серьезные расхождения у архиепископа Серафима (Соболева) с другими членами Архиерейского Синода начались в сентябре 1943 г., после избрания Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского). Митрополит Анастасий, как и большинство архиереев РПЦЗ, это избрание не признал и уже 28 сентября переслал владыке Серафиму в Софию свое официальное заявление по этому поводу. 21–26 октября состоялось Архиерейское совещание РПЦЗ в Вене, которое приняло резолюцию о неканоничности избрания митрополита Сергия Патриархом. 3 ноября 1943 г. митрополит Анастасий разослал итоговые документы совещания главам некоторых автокефальных Православных Церквей, в том числе Болгарской, но ответа ни от кого не получил⁶⁷.

Относительно позиции владыки Серафима в это время в научной литературе можно встретить прямо противоположные утверждения. С одной стороны, известный историк РПЦЗ о. Георгий Зайде писал, что архиепископ участвовал

⁶⁵ См.: СА. Д. 23/40, Д.24/42, Д. 29/43

⁶⁶ См.: Там же, личное дело епископа Венского Василия (Павловского).

⁶⁷ См.: Там же. Д.36/43.

в Венской Архиерейской конференции 1943 г., подписал ее декларацию о признании неканоничности выборов Патриарха Сергия, а после 1945 г. назвал свою принадлежность к Синоду РПЦЗ и свое участие в Венской конференции «внешним» и «формальным»⁶⁸. С другой стороны, российская исследовательница А.С. Новикова отмечала: «Во время Второй мировой войны он не давал своего благословения русским эмигрантам, жившим в Болгарии, поступать в Русский корпус, добровольческие части которого входили в состав германской армии, дабы не пролилась русская кровь в братоубийственной войне. В годы Второй мировой войны владыка Серафим фактически был в разрыве с Заграничным Синодом Русской Православной Церкви, так как не был согласен с прогерманской позицией Св. Синода»⁶⁹.

Эти две точки зрения являются крайностями. В годы Второй мировой войны архиепископ Серафим действительно отказался благословить русских эмигрантов на борьбу в СССР, так как об этом после войны писал даже недоброжелательно относившийся к владыке протопресвитер Г. Шавельский⁷⁰, но ни о каком разрыве с Архиерейским Синодом (членом которого архиепископ оставался до занятия советскими войсками Болгарии) и речи быть не могло, да и позиция Синода далеко не всегда была «прогерманской». На Венское совещание архиепископ Серафим не приехал, но не потому, что, как утверждает исследователь А.А. Кострюков, категорически отказался участвовать в нем⁷¹.

Во всяком случае, никакого отказа владыки на приглашение митрополита Анастасия приехать в Вену в архивных документах Архиерейского Синода и самого совещания не имеется. Помешали Богучарскому епископу участвовать в совещании, скорее всего, все те же препятствия со стороны болгарских властей. Другое дело, что владыка Серафим, по всей видимости, действительно внутренне признал избрание митрополита Сергия Патриархом уже осенью 1943 г. На него могли повлиять не только контакты с архиереями Московского Патриархата в 1930-е гг., но и позиция фактически всех болгарских архиереев, особенно наиболее лично близкого архиепископу Софийского митрополита Стефана, который сразу выразил согласие с избранием Московского Патриарха.

Тем не менее по представлению архиепископа Серафима от 19 ноября 1943 г. Архиерейский Синод РПЦЗ 14 декабря возвел в сан игумена иеромонаха Пантелеимона (Старицкого) из Какальянского монастыря и наградил наперсными крестами иеромонаха Василия (Белоусова) и священника общины при русском инвалидном доме в Шумене о. Иоанна Саламатина. На своем заседании 31 августа 1944 г. Архиерейский Синод отметил, что он получил на свои нужды отчисления за 1943 г. — 13 552 лева от Епископского совета в Болгарии через его секретаря протоиерея Андрея Ливена⁷².

⁶⁸ См.: *Seide G.*, а.а.О.С. 124.

⁶⁹ *Новикова А.С.* Владыка Серафим (Соболев) и болгарская церковная жизнь // Бялата эмиграция в България. С. 358–359.

⁷⁰ См.: *Кострюков А.А.* Указ. соч. С. 108.

⁷¹ См.: Там же. С. 109.

⁷² См.: СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28 ноября 1940 — 12 января 1944. Д. 48а/44.

В первой половине 1944 г. софийские прихожане РПЦЗ вместе с болгарской паствой понесли тяжелые утраты в связи с англо-американскими бомбардировками. 10 января бомба упала на прежний русский посольский храм свт. Николая, была повреждена южная часть здания, уничтожена роспись стен⁷³. Несмотря на военные испытания и эвакуацию значительной части населения Софии, богослужения в Никольской русской церкви на ул. Царя Калояна продолжались ежедневно утром и вечером при лампадах и свечах.

Рядом с этой церковью находились болгарские военные склады, что трагическим образом отразилось на ее судьбе. 30 марта 1944 г. в церковь попало несколько зажигательных бомб, и она сгорела почти полностью, «как большая свеча». В это время в храме шло богослужение, которое не прервалось и после начала бомбардировки. Настоятеля протоиерея Николая Владимирского и многих прихожан засыпало обрушившимися обломками здания, сослуживший настоятелю протоиерей Георгий Голубцов остался жив чудом. Тело отца Николая лишь через полгода смогли извлечь из-под развалин и похоронить на русском участке Центрального кладбища Софии, где в разное время нашли свое упокоение профессор Н.Н. Глубоковский, его скончавшаяся 15 февраля 1945 г. супруга А.В. Глубоковская – дочь епископа Виссариона (Нечаева), протопресвитер Георгий Шавельский, протоиерей князь Андрей Ливен и некоторые другие известные церковные деятели.

До революции протоиерей Н. Владимирский был настоятелем придворной церкви в императорском Ливадийском дворце в Крыму, а с 1920 г. служил в русской Никольской церкви Софии, незадолго до своей смерти он отпраздновал 50-летие священнослужения. В газете «Православная Русь» так говорилось о погибшем пастыре: «Батюшка был священник старого русского закала. Он ежедневно присутствовал на богослужениях в церкви, невзирая на то – его ли служебная седмица или нет. Он имел детей, уже поставленных на ноги, которые уговаривали его уйти на покой, переехать из Софии в провинцию и мирно доживать свой век. Но батюшка категорически отказался от этих предложений. Он говорил, что священник до конца жизни должен служить Богу и Церкви... Он был горячим русским патриотом и пламенным молитвенником за страждущую землю Российскую»⁷⁴.

Пожар в Никольском храме уничтожил церковный архив, богослужебные книги, многие иконы и утварь. Прихожане смогли спасти лишь несколько икон, написанных русскими эмигрантскими художниками, а также чтимый образ Божией Матери XVII в. (в настоящее время они находятся в восстановленной после войны небольшой части Никольского храма). В расположенном неподалеку сгоревшем здании Болгарского Синода погибла значительная часть драгоценной библиотеки профессора Н.Н. Глубоковского. 30 марта сгорел дотла и деревянный дом представителя типографского монашеского братства преп. Иова Почаевского в Болгарии – инженера Н.П. Шурупова (на ул. Аксакова), вместе со всеми хранившимися там печатными изданиями братства.

⁷³ См.: *Киосева Ц.* Указ. соч. С. 306.

⁷⁴ *Православная Русь.* 1944. № 9–10. С. 15.

Также 30 марта было разрушено пятиэтажное здание Русской смешанной гимназии новых языков В.П. Кузьминой на улице Ивана Вазова, дом 16, погибла и домовая церковь гимназии. Ее настоятель престарелый протоиерей Георгий Голубцов (бывший член Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг.), уже отметивший 50-летие своего священнослужения, ненадолго пережил свой храм. Он скончался в том же 1944 г. и был похоронен на русском участке Центрального кладбища Софии⁷⁵.

После мартовской катастрофы русской общине Софии предоставили для богослужений кладбищенский храм св. Екатерины в пригородном с. Княжево, а затем небольшую церковь преп. Параскевы в центре города – на бульваре Княгини Марии-Луизы⁷⁶.

Архиепископ Серафим в сентябре 1943 г. участвовал в отпевании скоропостижно скончавшегося болгарского царя Бориса III, но его отношения с официальными болгарскими властями по-прежнему оставались не слишком доброжелательными. В начале сентября 1944 г. в страну вступили части III Украинского фронта, а 9 сентября в Болгарии произошел переворот, в результате которого к власти пришло прокоммунистическое правительство Отечественного фронта. Владыка Серафим не пожелал оставить свою паству и уехать из Болгарии на Запад и уже через несколько месяцев выразил желание перейти в юрисдикцию Московского Патриархата. Этим лишь частично объясняется желание спасти оставшихся в Болгарии русских эмигрантов от репрессий, указанный шаг отвечал и внутренним убеждениям архиепископа.

В феврале 1945 г. владыка Серафим через Болгарского экзарха Стефана направил свое приветствие Всероссийскому Поместному Собору в Москве, а Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Алексию передал свои книги: «Новое учение о Софии Премудрости Божией» и «Протоиерей Сергей Булгаков как толкователь Священного Писания». По свидетельству болгарских историков, архиепископ также способствовал в это время снятию с помощью Московского Патриархата схизмы с Болгарской Православной Церкви⁷⁷.

2 марта владыка Серафим отправил Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I поздравление с его избранием, а 15 апреля 1945 г. – еще одно письмо с просьбой принять его в юрисдикцию Московского Патриархата, оставив патриаршим представителем в Болгарии, где он «сроднился со своею паствою, со своими духовными детьми, не только русскими, но и болгарскими», указывая, что к советской власти будет относиться лояльно⁷⁸. При этом архиепископ выразил желание включить в юрисдикцию Московского Патриархата все русское духовенство, которое находилось в его ведении, подчеркнув, что он не был

⁷⁵ См.: *Пчелинцева Т.К.* Русская Смешанная Гимназия В.П. Кузьминой в г. Софии (Лицей В.П. Кузьминой) (www.mkdc-dms.bg).

⁷⁶ См.: Там же; Русские храмы и обители в Европе. С. 31–32.

⁷⁷ См.: *Бойкикева К.-А.* Указ. соч. С. 168.

⁷⁸ См.: *Косик В.И.* Некоторые сведения о церковном строительстве в Болгарии и судьбах русского зарубежного духовенства (1940–1950-е гг.) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 2004 г. М., 2004. С. 302;

запрещен в священнослужении митрополитом Сергием, когда им были запрещены почти все заграничные русские архиереи⁷⁹.

С 6 по 23 апреля 1945 г. побывала делегация Московского Патриархата во главе с архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым), составившим по итогам поездки в целом благоприятный отзыв о владыке Серафиме: «Архиепископ Серафим (Соболев) — человек аполитичный, безусловно, духовный, но очень “узкий” и политически довольно тупой, пользуется, однако, большим уважением прихода». На основании доклада архиепископа Григория владыка Серафим был оставлен в Болгарии и 30 октября 1945 г. вместе с семью управляемыми им русскими общинами (в Софии, Пловдиве, Варне, Русе, Шумене, Пернике и при возвращенном храме-памятнике на Шипке) принят в юрисдикцию Московского Патриархата⁸⁰.

Весной 1946 г. при посещении Болгарии церковной делегацией во главе с Патриархом Алексием I архиепископ Серафим высказал свое отношение к Московскому Патриархату и единству с ним: «Двадцать пять лет мы были в разобщении с Матерью нашей, Церковью Российской. Но это разобщение было чисто внешним явлением, ибо в сердцах наших было полное единение с вами, со всеми братьями нашей родины, с теми, которые признают Патриаршую Церковь в России»⁸¹.

Однако, уйдя из Русской Православной Церкви за границей, владыка Серафим не стал «бросать в нее камни», как некоторые другие, перешедшие в Московский Патриархат архиереи. Кроме того, и после 1945 г. архиепископ иногда допускал резкие антисоветские высказывания⁸².

В отличие от владыки, отец Георгий Шавельский занял гораздо более ярко выраженную просоветскую позицию, которая вызвала изумление даже у его прежних знакомых. Так, В. Маевский писал 5 января 1945 г. из Линца Е. Махарблидзе в Вену: «Поразили Вы меня сообщением о прот. о. Г. Шавельском!»⁸³ Впрочем, эволюция взглядов протопресвитера была постепенной. В частности, 16 июня 1943 г. он писал в послесловии к своим воспоминаниям с надеждой на примирение сражавшихся друг с другом в годы Гражданской войны русских: «Большевизм и антибольшевизм — лишь преходящие этапы в истории России. Большевизм, как крайнее богоборческое, античеловеческое и противоестественное учение, не может не умереть: исчезнет тогда и антибольшевизм, с ним борющийся. Но Россия, русский народ должны пребывать и будут вечно. Должен поэтому наступить момент, когда продолжающие ныне принадлежать к разным лагерям, но одинаково честно любящие свою Родину и готовые самоотверженно служить ей, русские люди поймут друг друга, забудут прошлое, протянут друг другу руки и начнут совместными усилиями целить и восстанавливать свою измученную Родину»⁸⁴.

⁷⁹ Кострюков А.А. Указ. соч. С. 109; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 72.

⁸⁰ См.: Кострюков А.А. Указ. соч. С. 110–111; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 54.

⁸¹ Григорий (Чуков), митр. Поездка Патриарха Алексия в Болгарию // Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1946. № 6. С. 10.

⁸² См.: Кострюков А.А. Указ. соч. С. 107, 112.

⁸³ АГЕ. Д. Разная переписка. Военные годы. Л. 36.

⁸⁴ Шавельский Г., протопр. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 411–412.

25 марта 1945 г. исполнилось 50 лет пастырского служения о. Георгия, но, по его желанию, юбилей прошел тихо, без празднества. Однако руководство Болгарского экзархата все же отметило это событие. 31 марта главный секретарь Священного Синода архимандрит Дамаскин написал Экзарху Стефану о необходимости оказать «подходящий акт внимания» о. Георгию как «большому ученому и образцовому священнослужителю», который почти половину своей научной и пастырско-благовестнической деятельности отдал болгарскому народу. В докладной записке о. Дамаскина отмечалось, что почти 25-летняя работа протопресвитера в качестве преподавателя Софийской духовной семинарии и профессора Богословского факультета Софийского университета «дала обильные духовные плоды на нашей духовной ниве», и о. Георгий «и сейчас продолжает служение и научную работу с редким усердием», несмотря на очень тяжелое материальное положение⁸⁵. Ходатайство секретаря Синода было удовлетворено, и протопресвитеру оказали материальную помощь. Отец Георгий скончался в Софии 2 октября 1951 г. Его похороны привлекли огромное количество людей, пожелавших проститься с любимым пастырем и наставником.

В 1946 г. кафедральным храмом архиепископа Серафима вновь стала русская посольская церковь свт. Николая. Сразу же после ее частичного разрушения в 1944 г. Министерство благоустройства начало восстановительные и реставрационные работы, однако они заняли несколько лет. В конце 1944 г. заместитель председателя Контрольной комиссии союзников по антигитлеровской коалиции генерал-полковник С. Бирюзов потребовал от болгарских властей ускорения реставрации и восстановления росписей. На возрождение церкви из бюджета Болгарии было выделено 8 млн левов, а всего в процессе ее реставрации было затрачено более 12 млн левов. Росписи стен и некоторые иконы отреставрировал русский эмигрантский художник Михаил Малецкий⁸⁶.

Реставрацию Никольской церкви в основном закончили специально к визиту в Болгарию Патриарха Алексия. 4 декабря 1945 г. Болгарский экзарх Стефан писал министру иностранных дел и исповеданий, что восстановление русской церкви свт. Николая еще не завершено, и просил помочь в этом деле, так как храм должен освятить Патриарх Московский и всея Руси⁸⁷. Никольская церковь была освящена накануне Вербного воскресенья, а 22 мая Патриарх Алексей совершил в ней литургию в сослужении архиепископа Серафима (Соболева) и Ленинградского митрополита Григория (Чукова). Первосвяtitель подарил храму старинную русскую икону, к прискорбию, украденную в 1991 г. 22 декабря 1946 г., после окончательного завершения реставрации Никольской церкви ее официально передали в ведение архиепископа Серафима.

Так как правительство Отечественного фронта запретило церковную благотворительную деятельность, братство при русской общине в Софии в 1945 г. прекратило свое существование, но вместо него было создано сестричество, которое возглавляли духовные дети владыки Серафима: княгиня Ольга Ливен (дочь протоиерея Андрея Ливена, позднее игумения Серафима) и Надежда Ястребова

⁸⁵ См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 1.

⁸⁶ См.: *Киосева Ц.* Указ. соч. С. 306.

⁸⁷ ЦДА. Ф. 791к. Оп. 2. Ед. хр. 170. Л. 47.

(в дальнейшем монахиня Серафима). Сестры убрали храм и кладбище, приводили в порядок облачения, вели беседы на религиозные темы. В конце 1946 г. на основе сестричества архиепископ Серафим с разрешения Московской Патриархии создал женский монастырь Покрова Пресвятой Богородицы. Эта новая русская обитель из 10 сестер была устроена в пригороде Софии — с. Княжево, ее настоятельницей стала игумения Серафима (Ливен), а духовником — многолетний секретарь владыки Серафима архимандрит Пантелеимон (Старицкий)⁸⁸.

Важную роль в церковной жизни послевоенной Болгарии играл протоиерей Всеволод Шпиллер. Он родился в 1902 г. в Киеве, воевал в составе Белой армии, с 1922 г. проживал в Болгарии, окончил русское Богословско-пастырское училище при монастыре свв. Кирика и Иулитты и Богословский факультет Софийского университета, 20 июня 1934 г. был рукоположен во диакона, на следующий день — во иерея и в августе 1934 г. назначен приходским священником болгарской церкви Успения Божией Матери в г. Пазарджике Пловдивской епархии. Кроме того, о. Всеволод преподавал различные предметы в местной гимназии и сельскохозяйственном институте, служил при тюремной церкви и был председателем церковного суда⁸⁹.

Священник поддерживал тесные связи со своим родственником — архимандритом Пантелеимоном (Старицким), протоиереем Андреем (Ливеном), автором жизнеописания св. о. Иоанна Кронштадтского архимандритом Мефодием (Жеревым), талантливым иконописцем иеродиаконом (позднее иеромонахом) Николаем (Шелеховым) и своим духовным отцом — архиепископом Серафимом. В одном из своих писем из Софии (от 2 июня 1934 г.) протоиерей В. Шпиллер писал: «Работаю с владыкой часами у него по его труду; и это маленькое участие в огромной его богословской работе — совершенно святоотеческой — дает мне массу. Только сидеть с ним у него в комнате — это уже так бесконечно много. А работать с ним — это такое большое счастье»⁹⁰.

В годы Великой Отечественной войны в семье о. Всеволода не скрывали патриотических чувств. Его сын Иван вспоминал, что однажды он в драке с другими подростками доказывал, что Сталинград не взят немцами (в результате чего был составлен протокол в полицейском участке), а после прихода в Пазарджик советских войск его на основании полицейского протокола «премировали от командования» килограммом сахара. Важную роль в судьбе о. В. Шпиллера сыграл тот факт, что, служа тюремным священником, он фактически спас жизнь нескольким антифашистам. За время его службы в пазарджикской тюрьме не был приведен в исполнение ни один смертный приговор, так как для этого требовалась подпись священника, а отец Всеволод всегда отказывался ее поставить. В результате уже в сентябре 1944 г. по предложению председателя околийского комитета Отечественного фронта священник возглавил Пазарджикское отделение Красного Креста⁹¹.

⁸⁸ См.: Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). Фессалоники, 1991. С. 26; Русские храмы и обители в Европе. С. 32.

⁸⁹ См.: *Воробьев В., прот.* К столетию со дня рождения протоиерея Всеволода Шпиллера // ЖМП. 2002. № 7. С. 65–67.

⁹⁰ *Шпиллер И.В.* Воспоминания об о. Всеволоде Шпиллере. М., 1995. С. 26.

⁹¹ См.: Там же. С. 27–29.

В ноябре 1944 г. первый министр иностранных дел и исповеданий в правительстве Отечественного фронта Петко Стайнов предложил о. Всеволоду стать одним из трех членов Комиссии по разработке законодательства о положении Церкви в новом болгарском государстве. Священник переехал в Софию, где служил в кафедральном соборе Святой Недели, около двух лет работал над проектом закона и был удостоен высокого сана священноиконома Болгарской Православной Церкви. Отец Всеволод представил четыре доклада о правовом положении Церкви в государстве вообще и в Болгарии в частности, они были приняты за основу болгарского закона об отделении Церкви от государства⁹².

Приход к власти правительства Отечественного фронта существенно изменил положение русской эмиграции. Уже 8 сентября 1944 г. был создан Русский комитет при Отечественном фронте, который обратился с воззванием ко всем эмигрантам, призывая достойно встретить советские войска и оказать содействие новому комитету. В феврале 1945 г. был упразднен правительственный Комитет по делам русских беженцев и вместо него создана Комиссия по ликвидации русской акции в Болгарии, действовавшая до начала 1950-х гг. В июне 1946 г. был опубликован указ о том, что бывшие подданные Российской империи могут принять советское гражданство. Паспорт № 1 советского гражданина в Болгарии получил архиепископ Серафим (Соболев), по благословию владыки так поступили и многие русские священнослужители, в том числе о. В. Шпиллер.

Вскоре был создан Союз советских граждан, которому передали имущество закрытых русских эмигрантских организаций (в 1944 г. их насчитывалось около 100). В 1950 г. оказались закрыты и все русские учебные заведения и организации. Под давлением властей многие эмигранты возвратились в СССР или уехали из Болгарии в страны Западной Европы и США. Правительство принуждало и Болгарский Экзархат увольнять служивших в его юрисдикции русских священников, не принявших болгарское гражданство. Еще 16 апреля 1942 г. был принят указ о разрешении службы в Болгарской Православной Церкви подданных других государств лишь в течение трех лет, считая с 1 августа 1941 г. Однако в августе 1944 г. выяснилось, что в Экзархате служат еще как минимум 10 русских священнослужителей, не принявших болгарского гражданства: протоиерей Димитрий Лашенов, священники Сергей Белоусов, Иерофей Форенц, Вячеслав Попов, Иаков Попов, Петр Исаев, иеромонахи Владимир (Кубанский), Исаакий, Иларион (Михаевич) и Алексий (Черненко). 5 сентября Священный Синод обратился в Министерство иностранных дел и исповеданий с ходатайством о продлении срока службы в Болгарской Церкви «всем русским священникам без подданства» еще на три года, но 1 декабря 1944 г. министерство ответило отказом, «так как они пропустили все сроки получения болгарского гражданства». Правда, Синод не смирился с отказом и еще некоторое время продолжал борьбу по этому вопросу⁹³.

Часть русских эмигрантов подверглись репрессиям, пик которых пришелся на июнь 1946 г., в это время были интернированы в так называемые трудовые воспитательные общежития (лагеря) с конфискацией имущества 424 эмигранта.

⁹² Там же. С. 32–33; *Воробьев В., прот.* Указ. соч. С. 66.

⁹³ См.: ЦДА. Ф. 791к. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 93–102; Ед. хр. 106. Л. 20–21.

Еще один всплеск репрессий произошел в 1952-м — в этом году были арестованы 96 белоэмигрантов. Русские священнослужители, как правило, репрессиям не подвергались. Однако в конце 1940-х гг. все же был арестован протоиерей Андрей Ливен, до 1949 г. служивший в софийской Никольской церкви⁹⁴.

Более серьезных репрессий позволила избежать деятельность архиепископа Серафима. Он занимал выгодную в то время советскому руководству ярко выраженную антиэкуменическую позицию и в этом качестве неоднократно выступал на международной арене как представитель Московского Патриархата. В частности, в июле 1948 г., на Всеправославном совещании в Москве владыка произнес три доклада, после которых была единогласно принята резолюция «Экуменическое движение и Православная Церковь», направленная против «гнезда протестантизма» Америки и Англиканской Церкви.

Владыка Серафим боролся и против экуменических и либеральных течений в Болгарской Православной Церкви. В 1949 г. он поместил в болгарском журнале «Церковный вестник» статью, в которой «осудил, как неканонические, притязания Союза священников на умаление власти Синода и на введение второбрачия, предостерегая от живоцерковных ошибок и сползания в экуменизм».

26 апреля того же года архиепископ писал Патриарху Алексию: «Все митрополиты являются решительными последователями экуменизма. Как до Московского совещания, так и после него... В экуменическом направлении болгарских иерархов, в их явном попустительстве экуменической деятельности профессоров богословского факультета и в его отрицательном отношении к православию надо искать одну из главных причин возникновения здесь великого зла — священнического союза. Последний стремится уничтожить власть епископата в лице Синода, быть главным распорядителем всего церковного имущества, допустить женатый епископат и двубрачие духовенства, а в конце концов — образовать в Болгарии живую, или обновленческую, церковь, как это было в России, в целях уничтожения канонов и догматов и всей Православной Церкви»⁹⁵.

Борьба с экуменизмом не лучшим образом отразилась на рукописном наследии профессора Н.Н. Глубоковского. 18 мая 1945 г. Патриарху Алексию сообщили, что живущий в Софии наследник ученого И.К. Пучков предложил приобрести у него для Московского богословского института неизданные рукописи Глубоковского, который перед смертью выразил желание передать их в Россию: «Евангелие христианской святости в Послании к евреям» (1934), «Благословение христианской славы в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова» (1935), «Христос-Искупитель» (1936), «Пастырско-искупительное служение Христа-Спасителя» (1937) и огромный по объему «Библейский словарь».

После длительных переговоров Патриарх 23 июля 1949 г. известил председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г.Г. Карпова о согласии Московской Патриархии уплатить за рукописи 50 тыс. рублей и просил «на означенную сумму выдать болгарскую валюту и перевести эту сумму на имя архиепископа Серафима (София), которому поручено оплатить рукописи и доста-

⁹⁴ См.: Бялата емиграция в България. С. 66–67; *Къосева Ц.* Российская эмиграция в Болгарии. XX век // Новый журнал. 2007. № 247. С. 219–224.

⁹⁵ *Косик В.И.* Указ. соч. С. 303, 304–305; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 92–96.

вить их в Патриархию»⁹⁶. Карпов запросил мнение посольства СССР в Болгарии, а его сотрудники, основываясь на мнении архиепископа Серафима, оспорили ценность рукописей Глубоковского — «активного приверженца протестантизма и экуменизма», работы которого якобы были написаны «с этих позиций». В результате приобретение рукописей не состоялось, не помогли даже ходатайства митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) и письменная просьба председателя Отдела внешних церковных сношений митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) от 4 февраля 1952 г.⁹⁷

В Совете по делам Русской Православной Церкви владыку Серафима (Соболева) рассматривали в качестве кандидата на пост главы Западно-Европейского Экзархата вместо митрополита Серафима (Лукиянова). Преемником Богучарского архиепископа предполагалось назначить о. Всеволода Шпиллера. В ноябре 1948 г. советское посольство сообщало, что оно не возражает против назначения прот. В. Шпиллера «руководителем Русской Церкви в Болгарии в связи с выездом архиепископа Серафима», однако рекомендовало первоначально назначить протоиерея наместником архиепископа, что дало бы «возможность Московской Патриархии присмотреться к работе Шпиллера, прежде чем решить вопрос о назначении его главой Церкви». Однако, после того как переезд владыки Серафима в Париж не состоялся (в том числе по причине его монархизма), было отклонено и предложение о назначении о. Всеволода⁹⁸.

20 ноября 1949 г. распоряжением Совета Министров протоиерею В. Шпиллеру был разрешен выезд вместе с семьей на постоянное местожительство в СССР. Со словами «Вручаю Вас, детки мои, покровительству Матери Божией» архиепископ Серафим благословил их возвращение на родину, и 5 февраля 1950 г. о. Всеволод приехал в Москву. 21 сентября 1951 г. протоиерей В. Шпиллер был назначен настоятелем Николо-Кузнецкого храма в столице, в котором прослужил более 32 лет, до своей кончины 8 января 1984 г.⁹⁹

Относительно благополучное положение русских приходов в Болгарии сохранялось до кончины владыки Серафима. 5 января 1950 г. Министерство иностранных дел сообщало в Совет по делам Русской Православной Церкви, что среди русских священнослужителей в Болгарии находятся в основном советские граждане. При этом подчеркивалось, что архиепископ Серафим, «руководствуясь в своей деятельности указаниями Московского Патриархата», старается «не допускать в число церковных служителей политически скомпрометированных лиц» и проводит курс на сближение с Болгарской Православной Церковью¹⁰⁰.

Архиепископ Серафим скончался 26 февраля 1950 г. и был погребен в гробнице, установленной в крипте, под алтарем русской посольской церкви свт. Николая. Его захоронение сразу же стало местом паломничества верующих. Владыка перед смертью говорил, что все, кто хочет получить благодать, должны

⁹⁶ Косик В.И. Указ. Соч. С. 305–306.

⁹⁷ См.: Там же; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 126, 137–138, 173; Д. 988. Л. 2–3.

⁹⁸ См.: Косик В.И. Указ. соч. С. 306–307.

⁹⁹ См.: Шпиллер И.В. Указ. соч. С. 30–31.

¹⁰⁰ См.: Косик В.И. Указ. соч. С. 306–307; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 719. Л. 1.

посылать ему письма, и уже вскоре многие прихожане стали писать записки и опускали их в гробницу или стоявший рядом ящик. Этот обычай сохранился до настоящего времени, поток паломников (в основном болгар), несмотря на периодические попытки его ограничить, к захоронению архиепископа не иссякает. В 1987 г. гробница владыки была отделана мрамором, а в 1996 г. — притвор перед ней расписан монахиней Магдалиной из Княжево-Покровского монастыря Софии¹⁰¹.

25–26 февраля 2002 г. архиепископ Серафим был прославлен старостильной Болгарской Православной Церковью (возникшей после перехода Болгарского Патриархата в 1968 г. на новоиулианский календарь). В печатном органе этой Церкви — журнале «Православно Слово» приводятся многие случаи прозрачности Софийского чудотворца. В настоящее время готовится канонизация архиепископа Серафима Болгарским Патриархатом¹⁰².

После кончины владыки первоначально было организовано благочиние Московского Патриархата в Болгарии во главе с архимандритом Пантелеимон (Старицким). В благочинии состояли свыше 20 русских священнослужителей, многие из которых не вызывали доверия у советских властей. 6 марта 1951 г. посольство СССР в Болгарии прислало в Совет по делам Русской Православной Церкви политические характеристики на 12 священников, из которых 8 являлись бывшими белыми офицерами. В письме отмечалось, что некоторые из них враждебно относятся к СССР, например архимандрит Кирилл (Попов), отказавшийся от принятия советского гражданства. Посольство согласилось с предложением Совета о руководстве русскими эмигрантскими священнослужителями присланным из СССР священником.

В конце мая 1952 г. Московская Патриархия направила в Болгарию в качестве нового благочинного протоиерея Сергия Казанского. Уже 3 июля 1952 г. он написал председателю Отдела внешних церковных сношений митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) подробную докладную записку о состоянии благочиния, предлагая передать почти все его приходы Болгарскому Экзархату: «...русские священники все время жалуются на ущемление их со стороны болгарского духовенства, которое запрещает им совершать требы: крестить, венчать не только болгар, но даже русских, ограничивая их исполнением треб только в храме. Это говорит о том, что наличие русских приходов и священников вызывало и вызывает сейчас среди болгарского духовенства некоторое неудовольствие и досаду и поддерживает ненужную рознь... Высшие иерархи Болгарской Церкви в большинстве не имеют ничего против того, что существует русское благочиние в Болгарии, но они были бы очень удовлетворены, если бы Русская Церковь передала в их ведение русские приходы и оставило одно подворье для представительства в г. Софии, как это имеет место в Москве».

Своей запиской о. С. Казанский фактически выполнял задание Совета по делам Русской Православной Церкви, который еще в 1951 г. пришел к выводу, что благочиние, «если в нем есть надобность, должно ограничиваться русским

¹⁰¹ См.: Русские храмы и обители в Европе. С. 32.

¹⁰² См.: СА. Личное дело архиепископа Богучарского Серафима (Соболева); Православно Слово. София. 2001. № 4. С. 4–6.

храмом в г. Софии», и высказался против траты валюты на содержание духовенства из числа «бывших белогвардейцев»¹⁰³.

10 ноября 1952 г. Священный Синод Московского Патриархата принял решение об упразднении своего благочиния в Болгарии и передаче русских общин и монастырей в юрисдикцию Болгарской Церкви. В их число входили приходы в Русе, г. Сталине (Варне), Пловдиве, г. Димитрове (Пернике), Царевброде, на Шипке, в Княжеве, Какалянский монастырь св. Архангела Михаила, в котором числилось два архимандрита, один игумен, семь иеромонахов и один послушник (все русские), а также Княжевский монастырь Покрова Пресвятой Богородицы, состоявший из игумении, двух монахинь, четырех инокинь и трех послушниц (по национальности – четыре русские, пять болгарок и одна румынка). Следует отметить, что в составе Болгарского Экзархата уже была одна преимущественно русская по числу насельников обитель – в Ямбольском мужском монастыре Святого Спаса, настоятелем которого с 1947 г. являлся игумен Феодосий (Желязов), в то время пребывало четыре русских монаха и трудника. В решении о ликвидации благочиния также говорилось о необходимости «братски просить Св. Синод Болгарской Православной Церкви простереть любовь и заботу на вышеперечисленные приходы, монастыри и клир и сохранить, по принятию в свою юрисдикцию, русский духовный уклад и быт в Какалянском монастыре, согласно просьбы его братии»¹⁰⁴.

Российский историк В.И. Косик справедливо отмечал, «что история Русской Церкви в Болгарии в послевоенный период, в сущности, свелась к закрытию русских православных приходов и монастырей. “Белогвардейцы” не были нужны ведомству Карпова, за которым почти всегда было право окончательного решения»¹⁰⁵.

Протоиерей С. Казанский был утвержден настоятелем русского храма свт. Николая в Софии, который стал именоваться подворьем Московской Патриархии. Кроме о. Сергия состоявшую из 500 прихожан общину этого храма окормляли два священника, диакон и псаломщик. Деятельность настоятеля вызывала открытое недовольство верующих, в мае 1953 г. в Совет по делам Русской Православной Церкви писали, что он «не пользуется любовью своих прихожан, так как в первое время своего пребывания в Болгарии допустил ряд неправильных действий, оттолкнувших от него верующих. Им, например, был закрыт для посещения верующих склеп с останками архиепископа Серафима, находящийся под алтарем церкви, что вызвало большое недовольство прихожан». В конце концов, о. С. Казанский был отозван в Москву¹⁰⁶.

Уже после ликвидации благочиния Московского Патриархата в Болгарию стали прибывать русские эмигранты из Югославии, высланные в связи с конфликтом между Сталиным и Тито. Так, в 1953 г. в Капиновском монастыре свт. Николая, вблизи с. Велчово Тырновской епархии, по ходатайству Патриар-

¹⁰³ Косик В.И. Указ. соч. С. 308–310; ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 974. Л. 67–73; Д. 988. Л. 16–17.

¹⁰⁴ Там же. С. 310–311.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ См.: Там же.

ха Алексия I нашли приют 10 монахинь (первоначально высланных в Албанию) из русского Благовещенского монастыря в Сербии. Их бывшая настоятельница игумения Диодора (Дохторова), у которой с частью сестер возник конфликт, переехала в Болгарию в 1954 г. Игумении предоставили возможность выбрать себе монастырь для проживания, но она выбрала полуразрушенный скит преподобной Петки-Параскевы вблизи Софии (курорт Банки у с. Клисуря), восстановив его вместе с тремя русскими сестрами и даже построив там новый храм. Духовным отцом матери Диодоры стал епископ Левкийский Парфений. Скончалась игумения в своем скиту в 1978 г., приняв перед смертью постриг в схиму с именем Мария¹⁰⁷.

Несмотря на приток из Югославии, число русских эмигрантов в Болгарии постепенно сокращалось: в 1952 г. их насчитывалось 12,8 тыс., в том числе 7 тыс. с советским подданством, но затем последние почти полностью переехали в СССР, и в 1959 г. в стране оставалось лишь 7,5 тыс. русских эмигрантов. В начале 1958 г. был упразднен Союз советских граждан в Болгарии¹⁰⁸.

Многие русские священники окормляли болгарские приходы до 1960-х и даже 1970-х гг. Только в Пловдивской епархии было не менее четырех таких пастырей: священник Петр Кошелев в 1928–1958 гг. служил настоятелем в храме Св. Богородицы в с. Борово, протоиерей Иоанн Мухин в 1921–1958 гг. – в храме св. Димитрия в г. Пештера, иеромонах Сергей (Виглазов) в 1934–1965 гг. окормлял приход в с. Соколовци, а священник Димитрий Щепетнов в 1932–1970 гг. – приход в с. Козарско¹⁰⁹. Архимандрит Сергей (Чернов) служил настоятелем храма Рождества Христова на Шипке в 1946–1961 гг. и т. д.

Духовные дети и ученики архиепископа Серафима (Соболева) составили костяк официально созданной в январе 1993 г. Болгарской Православной Старостильной Церкви. Большинство из них, в том числе архимандрит Пантелеимон (Старицкий, скончался в 1980 г.) и архимандрит Серафим (Алексеев) до конца своих дней выполняли завет владыки «не иметь ничего общего с ересью экуменизма». Основанная архиепископом Покровская женская обитель в Княжеве с 1968 г. и до сих пор является единственным старостильным монастырем в Болгарии¹¹⁰.

Приходская жизнь оставшейся русской церкви свт. Николая в Софии с конца 1950-х гг. возглавлялась служившими в храме болгарскими клириками и постепенно приходила в упадок. Особенно это стало заметно, когда из церкви ушел известный богослов и проповедник архимандрит Сергей (Язаджиев). Только в 1973 г., после долгого перерыва, Московская Патриархия снова стала посылать в Софию настоятелей из СССР. Вскоре были воссозданы приходской совет и сестричество, возобновлены религиозные беседы и колокольный звон.

¹⁰⁷ См.: *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // Бялата емиграция в България. С. 324–325; Некролог схиигумении Марии (Дохторовой) // ЖМП. 1978. № 12. С. 51.

¹⁰⁸ См.: Бялата емиграция в България. С. 69–70; *Къосева Ц.* Российская эмиграция в Болгарии. XX век. С. 224–225.

¹⁰⁹ См.: *Паралингов Э.* Указ. соч. С. 58–59.

¹¹⁰ См.: Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). С. 23; *Бойкикева К.-А.* Указ. соч. С. 194.

Благоустройство Никольского храма продолжалось весь век. В 1950-х гг. роспись стен продолжал иеромонах Николай (Шелехов), в 1975–1977 гг. Болгарский институт охраны памятников провел работы по реставрации росписей, через пять лет был заново позолочен иконостас. В ноябре 1992 г. торжественным архиерейским богослужением, совершенным Левкийским епископом Неофитом, было отмечено 40-летие церкви в качестве подворского храма Московской Патриархии. В 1994–1996 гг. здание было капитально отремонтировано по инициативе и на средства российского посольства, и сейчас Никольская церковь является украшением центра Софии¹¹¹.

COMMUNIONS OF RUSSIAN CONGREGATIONS IN BULGARIA

M.V. SHKAROVSKY

The article is dedicated to the history of the Russian Church emigration in Bulgaria. After the October revolution in 1917 this country became one of main centers of the white emigration. In the 1920-s in Bulgaria about 40 thousands of refugees from Russia were resided. Till the 1950-s the Church life of the Russians especially excelled in activity. Archbishop Seraphim (Sobolev) who was much respected in Bulgaria was at the head of this process. More than ten Communion of Russian congregations, two monasteries and a Russian theological-pastoral school existed in Bulgaria. All of them belonged to the jurisdiction of the Russian Orthodox Church Abroad and the Moscow Patriarchate after 1945. Later these communions, except one that was in Sophia, were transferred to the Bulgaria Orthodox Church. In present time only one Russian temple functions in Bulgaria. This is the temple of Saint Nicolas by the metokhion of the Moscow Patriarchate in Sophia.

¹¹¹ См.: Русские храмы и обители в Европе. С. 32; *Киосева Ц.* Указ. соч. С. 306.